

**ЕЛЕНА
ПРУДНИКОВА**

**ЛТРОДОЮЖ
СТРОСЮЖ**

Невысокий человек лет пятидесяти, по-особому, профессионально неброский, поднял голову.

— Вы полагаете, если вам восемьдесят лет, за вас не возьмутся?

— Ну и что они узнают? Столько времени прошло.

Моей последней легенде уже сорок лет, а из тех, кто ее готовил, давно никого не осталось. Это все годится только для мемуаров...

— Что на вас нашло? С чего вдруг? Зачем?

— Дело в том, что я... был последним следователем Лаврентия Павловича.

Неброский человек от неожиданности уронил бутылку, чертыхнулся.

— Вы?!!

**Последний бой
Лаврентия Берия**

Елена Анатольевна Прудникова Последний бой Лаврентия Берии

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172311
Последний бой Лаврентия Берии: роман / Елена Прудникова: Вече; Москва; 2008
ISBN 978-5-9533-5365-6*

Аннотация

Перед вами книга, написанная в редчайшем жанре политического детектива. Действие ее начинается 26 июня 1953 года, в день, когда в Советском Союзе произошел государственный переворот. Роман известного петербургского журналиста и писателя Елены Прудниковой посвящен тому периоду и тому человеку, о котором повествуют и исторические работы автора. Время действия – 30-е – 50-е годы XX века, которые называют "сталинским временем", главный герой – Лаврентий Берия, преемник Сталина, убитый заговорщиками через сто дней после начала своего правления. Историческая концепция автора шокирующее необычна, но... чрезвычайно убедительна. Рекомендуем прочесть эту книгу тем, кому небезразлична история своего Отечества. Трактовка исторических событий, данная Е. Прудниковой настолько отличается от той, к которой мы привыкли, что после прочтения романа испытываешь даже не шок, а, скорее, ощущение, как от удара по голове. В версии автора все дьяволы становятся ангелами, а вполне приличные люди – преступниками. Согласиться с этим или опровергнуть – дело каждого. Но как еще заметили римляне: "По действительному можно судить о возможном".

Содержание

Пролог	4
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	34
Глава 3	53
Глава 4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Елена Прудникова

Последний бой Лаврентия Берии

*Человек, который знает, для чего он живет, выдержит любое
«как».*
Фридрих Ницше

Пролог

26 июля 1953 года. Москва. Кремль

То, что всему конец, Берия понял сразу, едва его, заломив руки, швырнули лицом на полированный стол. Краем глаза он успел увидеть людей в форме. Мундиры дорогого хорошего сукна, щегольские сапоги, в полировке промелькнуло отражение золотого погона – значит, генералы. А раз генералы, стало быть, это переворот. Опоздал!

На то, чтобы собраться, ему потребовалось каких-то две секунды. Сработали инстинкты старых чекистских времен, когда растерянность ходила об руку со смертью. Мозг работал как хороший станок, четко и с бешеной скоростью прокручивая мысли. Вопрос первый: что делать?

Те, за спиной, неуклюже, неумело возились с наручниками, даже не представляя себе, насколько опасен этот толстый человек в мешковатом костюме. Еще и сейчас у него есть возможность вывернуться из неловких рук, выхватить у ближайших генералов пистолеты и, пока не убьют, успеть захватить с собой как можно больше врагов.

Возможность есть, а вот права – нет. Это выход для Масленникова, для Мешика, для Богдана – но не для него. Он должен понять, что случилось. Он предполагал опасность в главном кабинете страны – но не сейчас. Те, кого Берия опасался сейчас, могли самое большее встретить пульей в кремлевском коридоре – дальше приемной главы правительства им ходу не было. Почему это произошло так скоро? По всем раскладам, два-три года спокойной жизни ему были обеспечены – до тех пор, пока экономика не заработает в нормальном режиме. Брать на себя реформу – дураков нет. А потом все равно придется уйти – и те, кому надо, это прекрасно знают.

Пока ему надевали наручники, он успел все продумать. *Что* произошло, сейчас не понять. А вот *кто* – надо увидеть и запомнить. Генералы не в счет. Не они тут главные. Это кто-то из тех, кто в данный момент сидит вокруг длинного полированного стола бывшего сталинского кабинета.

Когда, защелкнув наконец наручники, его рывком подняли на ноги, Берия быстрым взглядом скользнул по лицам сидящих, запоминая их. Хрущев явно и откровенно торжествует, весь сияя от сознания одержанной победы. Никита! Черт, неужели?! Не может быть! некогда думать, смотри дальше! Рядом насмешливо прищурился Булганин, одобрительно глядит на происходящее, рука все еще лежит на кнопке вызова. И этот тоже. Непроницаемое, словно высеченное из гранита лицо Молотова, – нет, Вячеслав Михайлович ни на какие крайние действия не пойдет, но и Берии не простит того, что занял его законное, освященное десятилетиями советской истории место возле Сталина. Нейтралитет. Каганович подался вперед, глаза так и сверкают – ох, Лазарь Моисеевич, все бы вам упоение в бою, соскучились по экстремальным действиям. Непричастен Каганович, но ему происходящее нравится, он уже на их стороне. Ворошилов смотрит, как всегда, чуть отрешенно – после смерти Сталина из него словно становой хребет вынули, старик, совсем старик... Он не в счет, это фигура декоративная. Микоян прищурился хитро, глядит с улыбочкой – вот у кого по лицу ничего

не прочтешь. То ли он здесь главный, то ли доволен просто потому, что терпеть Берию не может. Сабуров, Первухин – эти явно растеряны, ничего не понимают. Они не политики, они капитаны промышленности. Чувствую, какой производственник пойдет против него?

Не больше пяти секунд понадобилось Берии, чтобы всех увидеть, запомнить и понять то, что понял, – по полсекунды на человека. И лишь потом он взглянул на Маленкова, и холодок пробежал вдоль спины. Председатель Совмина недвижно застыл в кресле, в глазах – растерянность и ужас. К счастью, реакция у него не очень... Не вздумай, Георгий! Мне не поможешь и сам сгоришь...

Берия прокричал эти слова про себя, бросив мгновенный и острый взгляд на Маленкова – и тот, кажется, понял. По крайней мере опустил на стул и на мгновение прикрыл глаза, а когда открыл их, они уже ничего не выражали. И с лица всякое выражение схлынуло.

Когда Берию поволокли прочь от стола, дело уже было сделано. Все, что хотел, он увидел. Теперь можно было задать себе и второй вопрос: что происходит? И всю оставшуюся жизнь искать на него ответ. Смысла в этом немного, едва ли ему удастся поделиться с кем-либо этим ответом, но случай может представиться любой, а значит, попробовать стоит...

...Булганин сделал небрежный жест рукой, и Берию вывели из кабинета. Хрущев что-то говорил, но Маленков не слушал, отрешенно смотрел на стоявших вокруг стола генералов с пистолетами в руках. Ему сунули лист бумаги, диктовали какие-то слова, он писал, не задумываясь о смысле написанного, вообще ни о чем не задумываясь. Сейчас нельзя думать, иначе он сделает что-нибудь такое, чего делать нельзя, и тогда его тоже... Не то чтобы он боялся, нет... Помыслить страшно, что эта бешеная банда сделает со страной, если тот факт, что пять минут назад произошел государственный переворот, выйдет наружу. Нет уж, пусть лучше им будет что скрывать...

Он писал какой-то нелепый протокол несостоявшегося заседания, на котором будто бы обсуждали кандидатуру Берии, предъявляли ему какие-то странные претензии... Использует МВД, чтобы контролировать партию... следит за ними... зазнался... назначить наркомом нефтяной промышленности... Молотов презрительно дернул уголком рта – да уж точно, Вячеслав Михайлович, это даже и не фальшивка, это черт знает что такое. Вот и запишем эту ахинею, а те, кому надо, между строк прочтут все, что здесь произошло.

В кабинет просунулся один из генералов, окликнул Хрущева. Тот вышел, следом за ним – Булганин, Микоян, несколько генералов. Вместо них вошли другие военные, расселись на стульях вокруг стола, один устроился рядом с председателем Совета Министров, между ним и телефонами. Маленков, впрочем, и не пытался взять трубку. Все это глупо: что-что, а телефон в случае любых силовых действий захватывают в первую очередь.

Час шел за часом. Около пяти вечера принесли чай с бутербродами. Военные расслабились, посмеиваясь, болтали о чем-то своем, лишь зорко следили, чтобы никто не выходил из кабинета. Стрелки часов приблизились к десяти, когда вошел человек с генеральскими звездами.

– Товарищи офицеры, – сказал он, – прошу всех за мной. Остальные свободны.

Стало быть, дело сделано. Оставшиеся в кабинете люди в штатском вольны были идти куда угодно, но продолжали молча сидеть за столом. Лишь минут через десять, когда приемная опустела, они стали тихо расходиться, не прощаясь и не глядя друг на друга. Маленков машинально снял трубку – телефон, разумеется, молчал. Он поднял голову и посмотрел на единственного оставшегося члена Президиума ЦК, который все так же неподвижно сидел у стола.

– Я говорил Иосифу в тридцать восьмом, что Хрущева нельзя оставлять в живых, – медленно проговорил Молотов.

– Почему же... – начал и не закончил Маленков.

– На него не было материалов. Я был уверен, что он в заговоре, но никаких показаний чекистам получить не удалось. Все эти бандиты утверждали, что он действовал не из злого умысла, а по глупости и усердию. Ежова бы это не остановило, а заставить Берию слепить липовое дело... Ты же Лаврентия знаешь, если он чего-либо не захочет делать, его тягачом не сдвинешь. В конце концов товарищ Сталин решил, что раз Хрущев не враг, а просто дурак, то один, без остальных, он будет безвреден. Иосиф не любил нарушать законы, в этом смысле с ним было трудно...

– Теперь все равно... – махнул рукой Маленков. – Вы лучше скажите, что делать будем?

– Молчать. Нам с вами важно сохранить места в Политбюро, чтобы эти идиоты не натворили здесь черт знает каких дел. Можно не любить Берию, Георгий Максимилианович, но нельзя не признавать очевидное – только Берия мог удержать страну. А если этим дать волю, через десять лет мы начнем покупать хлеб...

Молотов кивнул и тоже ушел, а Маленков долго еще сидел, подперев голову рукой, и пытался о чем-то думать. Но мыслей не было, лишь страшная тяжесть – в голове, в сердце, везде... Как же просто, оказывается, было, пока рядом шел Лаврентий. А что теперь? Он уже, наверное, мертв – если везучий, то мертв несомненно, – и ответственность за огромную страну, та ответственность, которую раньше нес на себе Берия, ложилась на его, Маленкова, плечи. Как сказал тогда Сталин, когда объяснил наконец открытым текстом, что им с Лаврентием предстоит?

– Бог не по силам креста не дает...

Маленков сидел и молчал. Он еще и еще раз прокручивал в голове одни и те же аргументы. Да, Молотов прав: к власти пришел человек, которому он, Маленков, не доверил бы даже колхоз. А значит, выхода нет. Ни выхода, ни выбора... Самое смешное – если вообще во всем этом было хоть что-то смешное, – если Маленков поступит так как должно его назовут предателем и друзьями, и враги.

26 июня 2003 года. Подмосковье. Дачный поселок Баклужино

– А вот и врешь! – Славка влетел на веранду и торжествующе взгромоздил на стол толстенный том.

– Слава, как ты разговариваешь? – не удержалась Светлана.

– Мам, ну ведь он все придумал про переворот! Я посмотрел в энциклопедии, такого человека вообще не было. Вот смотри. Бериташвили, грузинский физиолог. За ним сразу Берк, исследователь Австралии. Никакого Берии здесь нет. Ты меня снова разыграл.

– Не веришь мне, спроси у мамы, – Токмаков перевел глаза на дочь.

– Папа, ну зачем? – недовольно поморщилась Света. – Был, не был... Это все плюсквамперфектум, давно прошедшее. У нас сейчас другая страна, новая жизнь, весь этот социализм давно в прошлом...

– Это был не социализм!

– Ну все равно, что бы там ни было... Я понимаю: твоя молодость, твоя жизнь, тебе это важно – ну а ему зачем это знать? Чтобы и у него появились мертвые, которые хватают живых? Папа, это проклятое прошлое не дает нам дышать. Его надо похоронить, забыть и избавиться наконец от всех исторических правд, сколько бы их ни было.

Да, Света умеет говорить, не зря она преподает литературу в университете. В свое время Токмаков не захотел, чтобы дочь пошла по его пути. Может быть, и зря не захотел...

Он потер щеку привычным жестом. Рубцы от ожогов давно сошли, лишь кожа была сухой и морщинистой, какой-то неживой, а вот привычка трогать щеку осталась. Когда-то обожженное лицо его спасло, сделав неузнаваемым. Согласно последней легенде, он числился танкистом, обгоревшим в войну, и лишь жене было известно, что до того его считали

пострадавшим на службе пожарным. Но даже она не знала, кем он был раньше. Этого не знал никто, кроме четырех человек, последний из которых умер три года назад.

К вечеру дочь с внуком уехали в город. В этот день на даче собирались люди, видеть которых им было не положено. На сей раз тех, кто сумел выбраться, оказалось восемь человек. Пили водку не чокаясь, как на поминках, сидели, молчали. Никто не знал, когда умер Лаврентий Павлович, поэтому датой его смерти уговорились считать 26 июня. Когда молчание вот-вот должно было разрядиться разговором, Токмаков начал первый:

– Я что думаю... Мне месяц назад стукнуло восемьдесят. Может быть, пора расконспирироваться?

Невысокий человек лет пятидесяти с небольшим, по-особому, профессионально неброский, поднял голову:

– Вы полагаете, если вам восемьдесят лет, за вас не возьмутся?

– Ну и что они узнают, Валера? Столько времени прошло. Моей последней легенде уже сорок лет, а из тех, кто ее готовил, давно никого не осталось. Это все, как говорит моя дочь, плюсквамперфектум, давно прошедшее, годится только для мемуаров...

– Что на вас нашло, Олег Арсеньевич? С чего вдруг? – удивленно спросила невысокая женщина. – Зачем?

– Дело в том, что я... Давайте-ка еще выпьем, ребята! – он налил, одним духом махнул свою стопку, чуть помолчал, хлопнул ладонью по столу. – Так вот: дело в том, что я был последним следователем Лаврентия Павловича.

Неброский человек от неожиданности уронил бутылку, чертыхнулся.

– Вы?!!

– Да, именно я. Руденко не в счет – он был не следователь, а беллетрист. Ни о чем серьезном они не говорили. Я могу с точностью до двух-трех дней установить дату смерти товарища Берия... – он помрачнел, – надеюсь, что могу. Потому что если случилось как-то иначе... мне будет очень жаль.

– Тогда другое дело. Но почему так внезапно?

– Словарь.

– Что?

– Энциклопедический словарь. Где за словом «Бериташвили» идет «Берк». И еще Большая Советская Энциклопедия, где крупнейшая статья про Берингово море. Знаете, товарищи, конспирация конспирацией, но я с такой постановкой вопроса категорически не согласен. Поэтому давайте выпьем еще, поскольку сидим мы здесь в последний раз...

Это было вечером 26 июня, а в конце следующего дня Токмаков позвал вернувшегося из города Славку.

– Слушай, герой. Ты, кажется, хотел подработать?

– Угу... – кивнул внук.

– Будешь работать у меня, секретарем. Компьютером владеешь?

Славка снова кивнул.

– Я буду диктовать, а ты печатать. А то у меня и руки, и глаза уже не те. Стрелять и драться еще сумею, а вот тонкую работу...

– Стрелять? Ты?!! И драться?!!! Опять разыгрываешь?

– Значит, договорились. Будешь мне помогать, – не обратив внимания на скепсис внука, подытожил он. – Ты работаешь, я плачу. Скучно не будет, это я обещаю...

...Год за годом, десятилетие за десятилетием они по капле собирали хронику того, что произошло в Советском Союзе 26 июня 1953 года. Все это, записанное на бумаге, лежало в надежном месте. Но Токмакову бумажки были не нужны. Память у него была абсолютная, за то и взяли его в разведшколу неполных восемнадцати лет...

Часть первая Переворот

Вы не воспринимаете меня всерьез. Что ж, это ваше право. Но запомните мои слова: самой большой ошибкой моих врагов было – не воспринимать меня всерьез.

Роман Злотников. Атака на будущее

Глава 1 «ДЕНЬ X»

Москва. Квартира командующего ПВО Московского военного округа генерал-полковника Москаленко. 26 июня 1953 года. 3 часа 15 минут

На загроможденный трезвон аппарата спецсвязи генерал в любое время дня и ночи вскидывался мгновенно. Но это была не спецсвязь, а обычный городской телефон. Он звонил и звонил, упорно, настойчиво и неспешно, и пока генерал пробивался ему навстречу, выпутываясь из крепчайшего сна, пока искал кнопку настольной лампы, пока неверной со сна рукой нашаривал телефонную трубку, недоумение материализовалось в мысль: «Кто-то умер». Как еще можно было объяснить столь неурочный звонок? Однако и эта мысль не заставила его окончательно проснуться.

– Да, – хмуро проговорил он хриплым со сна голосом. – У телефона. Понял. Буду готов через десять минут.

От звуков хорошо знакомого голоса – одного из порученцев министра обороны, – сон мигом разжал липкие объятия и бесшумно канул в ватную пустоту ночи. Значит, все же вызывают по службе. День генерала начинался не когда прозвонит будильник и не когда рассветет, а когда прикажут.

– Кирилл, – сонно спросила жена, – что случилось?

– Вызывают в штаб, – хмуро отозвался он, влезая в брюки.

– Но это, – в голосе женщины прозвучала внезапная тревога, – не война?

– Нет, не война, – генерал присел на постель, поцеловал теплую щеку жены. – Войны не начинаются внезапно. Спи...

Вот уже много лет первой мыслью жен военных, когда мужей среди ночи внезапно срывали с постели, была именно эта: «Война?!» Особенно если это жена командующего ПВО Московского военного округа. Как ни конспирируйся, все равно хоть раз в месяц да проговоришься, так что она имела представление о плане «Дропшот»,¹ о бомбардировщиках с атомным грузом, нацеленных на советские города. И при каждом ночном звонке уже видела подлетающие самолеты, сбивать которые бессмысленно, потому что все равно где взорвется их смертоносный груз: на земле ли, в воздухе – результат один.

Генерал ни о чем таком не думал, конечно. Он был озадачен. Весьма странный звонок – министр почему-то не воспользовался спецсвязью, хотя аппарат был в порядке, Москаленко перед уходом поднял трубку, проверяя... Впрочем, размышлять на эту тему не имело смысла, скоро все узнает. Откинувшись на заднем сиденье трофейного «БМВ», он бездумно

¹ «Дропшот» – план американского ядерного удара по СССР.

наблюдал, как мимо проплывали уличные фонари. Да, отменно освещена столица, не то что другие города... Хотя зачем, собственно, так освещать пустые улицы?

...Ворота штаба были закрыты, перед ними маячила фигура в военной форме. Тот самый адъютант министра, который поднял его с постели, быстро сел в машину. Теперь Москаленко мог задать свой вопрос, хотя уже догадывался: ответа не получит.

– Что случилось?

– Ничего не знаю, – отозвался офицер. – Николай Александрович приказал вызвать вас в штаб, встретить у ворот и доставить на Арбат.

Так. Это уже хуже. Если товарищ Булганин, вместо того чтобы вызвать его в министерство обычным порядком, по спецсвязи, устраивает конспиративные игры... Вопрос: один ли он будет в кабинете? Или там окажется кто-то еще? О том, кто еще может находиться в кабинете военного министра, думать ему не хотелось.

...Худшие предположения оправдались. Хрущев, первый секретарь ЦК КПСС, сидел боком на огромном рабочем столе Булганина. Сам министр мерил шагами кабинет. Когда Москаленко вошел, тот остановился, несколько секунд молчал, оглядывая его. Потом негромко сказал:

– Здравствуй, Кирилл Семенович. Проходи. Садись.

Сидеть в присутствии продолжавшего рассказывать министра было не по уставу, да и попросту неприлично, поэтому Москаленко остался стоять, выжидая. Булганин проделал еще один вояж до стены и обратно и заговорил.

– Товарищ Москаленко... – запнулся, кашлянул и продолжил: – готовы ли вы выполнить важнейшее и ответственнейшее задание партии?

– Партии и *правительства*? – с нажимом уточнил Москаленко.

Булганин запнулся и смолк. Так вот оно что!

– Хватит, Коля! – Хрущев соскочил со стола. – С ним можно говорить прямо. Это свой человек, надежный. Ты иди пока, готовь приказы войскам. А мы тут побалакаем...

Подмосковье. Дача Берии. 5 часов 35 минут

Вот уже не меньше получаса он лежал без сна, слушая нежный шелест дождя за окном. В последнее время он все чаще просыпался перед рассветом с ощущением смутной тревоги. Знакомые фокусы – так организм реагирует на запредельное напряжение. Нечто подобное было в сорок первом, после начала войны.

9 июля Сталин внезапно вызвал Берию к себе, на ближнюю дачу. Кроме вождя там находился Молотов, и, судя по всему, разговор у них был нелегкий. Вождь, не тратя времени, сразу перешел к делу.

– Я полагал, что управление Советским Союзом во время войны будет строиться следующим образом: армия воюет, а я, как глава государства, обеспечиваю ей наилучшие условия для того, чтобы она могла бить врага. Но положение на фронтах крайне тяжелое. И мы с товарищем Молотовым пришли к выводу, что мне, по-видимому, придется взять на себя верховное командование войсками.

Берия не удивился. После катастрофических результатов первых дней войны, после того как стало ясно, что ни нарком обороны, ни Генеральный штаб не справляются со своими задачами, ничего иного ждать и не приходилось.

– В этой ситуации, – продолжал Сталин, – я не буду иметь возможности заниматься оборонной промышленностью и техническим обеспечением боевых действий. Но чтобы быть хорошим главнокомандующим фронтом, я должен опереться на надежный тыл. Что вы думаете по поводу организации этой работы, товарищ Берия? Как будет лучше всего?

Вопрос был странный. Механизм управления страной отработан неплохо. Каждый отвечает за свой участок, стратегические решения принимаются коллегиально, а председатель Совнаркома координирует работу. Примерно это он и высказал.

– Я знаю, – нетерпеливо оборвал его Сталин. – Вопрос в том, кто персонально станет руководить работой оборонной промышленности. Я буду занят другим делом, товарищ Молотов тоже не может полностью взять на себя эту работу, у него наркомат иностранных дел и много текущих государственных вопросов.

Молотов слегка шевельнул усами, по невозмутимому лицу пробежала тень. Ясно, о чем у них шел разговор. Идеальный второй, надежная опора главы государства, с ролью первого в таком серьезном деле он не справится. Ему это неприятно, однако признать придется.

– Страна должна стать единым военным лагерем, – продолжал Сталин, – и мне нужен кто-то, кто возьмет на себя роль начальника этого лагеря. Один человек. Во время войны коллегиальное управление – гарантия поражения. Причем это должен быть человек, который хорошо ориентируется в быстро меняющейся обстановке, не боится принимать решения и умеет находить выход даже там, где его нет.

Он замолчал, внимательно глядя на Берия. Что ж, все предельно ясно...

– Ну и что ты молчишь? – произнес наконец вождь.

– Я должен что-то сказать? – чрезвычайно внимательно разглядывая подстаканник, поинтересовался Лаврентий.

– Справишься?

– Смотря с чем. С координацией работ, с управлением – постараюсь. С руководством – нет. Члены Политбюро мне не подчинятся даже по вашему приказу, товарищ Сталин.

– Увиливаешь, трус? – вспыхнул вождь, поперхнулся дымом и закашлялся.

Он, наверное, еще много бы всякого сказал, но выручил Молотов – единственный человек, на которого не производили впечатления сталинские вспышки. Дождавшись, когда вождь немного отдышится, но еще не до такой степени, чтобы продолжать свою гневную тираду, бросил всего два слова:

– Он прав.

– И ты туда же, – уже более миролюбиво сказал Сталин. – Сейчас война, не время считаться с амбициями.

– Согласен, – кивнул Молотов. – А вот Кагановича тебе придется снять.

– Хорошо, черт с вами, – бросил Сталин. – Кагановича я беру на себя. И еще кое-кого из особо неуступчивых. Но это все, что вы сможете у меня выторговать, – он повернулся к Берии: На то, чтобы полностью войти в курс дела, даю тебе месяц. Так справишься?

Берия пожал плечами:

– А разве у меня есть выбор?

Выбора не было ни у кого из них, чего бы на самом деле им ни хотелось. И все трое это понимали.

Когда Берия уходил, Сталин вышел проводить его и, остановившись в дверях, вдруг сказал негромко:

– Не обижайся.

– Я давно не обижаюсь, – ответил Берия. – Вам трудно, и вы срываетесь, как же можно на это обижаться? Я тоже не ангел.

Он ждал еще одной вспышки, но Сталин сказал просто и грустно:

– И чем ближе человек, тем больше ему достается. Так глупо мы устроены. И ты тоже начинаешь кричать на людей. Не бери с меня пример, не надо...

... Через месяц, 8 августа, Сталин стал Верховным Главнокомандующим, а Берия принял на плечи техническое обеспечение войны. После заседания ГКО² Молотов подошел к нему и, по своему обыкновению невозмутимо, с едва заметной усмешкой сказал:

– Вот и решился вопрос, кому товарищ Сталин передаст управление государством.

Лаврентий тогда возмутился совершенно искренне и аргумент привел неоспоримый: после Сталина на высшем государственном посту не может снова оказаться кавказец, это абсолютно невозможно. Молотов похлопал его по плечу и насмешливо сказал: «Ты не знаешь Иосифа. Он такой хитрый, он обязательно что-нибудь придумает».

Работа была чудовищной. Тогда он тоже целыми днями, бывало, мечтал о сне, а добравшись до постели, или – чаще – до дивана в рабочем кабинете, не мог уснуть. Как-то раз Сталин, взглянув на его землистое от усталости лицо с глазами, провалившимися в темные ямы, потребовал, чтобы он отдыхал днем – хоть полчаса, но непременно. Это был один из секретов нечеловеческой работоспособности Сталина.

– Наша жизнь – казенное имущество, – сказал тогда вождь. – И то, как ты обращаешься с ней, Лаврентий, это настоящее вредительство. Не думай, что наша задача – выиграть войну и умереть. После войны нам тоже жить надо...

Молотов оказался прав. Уже в сорок четвертом году Берия не только фактически, но и формально стал вторым человеком в стране – начальником Оперативного бюро ГКО. После войны этот орган трансформировался в Бюро Совмина – «генеральный штаб» управления государством. А в сорок шестом Сталин сказал ему обо всем прямо. Всю войну вождь держался, но после победы нечеловеческое напряжение отозвалось резким ухудшением здоровья. Как-то раз, когда Берия навестил Сталина на даче, тот предложил прогуляться по саду, и когда они отошли достаточно далеко от дома, заговорил:

– Мне немного осталось, Лаврентий...

Берия хотел было возразить, но слова на ум не пришли.

– Ты молодец, – сказал Иосиф Виссарионович, – что не болтаешь глупостей. Мол, как вы можете такое говорить, товарищ Сталин... А товарищ Сталин знает, что говорит, он еще не выжил из ума. Мне немного осталось, и мы не имеем права это не учитывать. Плох тот хозяин, который, чтобы не думать о смерти, не пишет завещания, это несерьезный человек...

Берия по-прежнему молчал – что тут скажешь?

– А как ты думаешь, Лаврентий, – продолжал вождь, – чьи руки достаточно надежны, чтобы передать в них страну?

Ответ на этот вопрос Берия знал. И все же не удержался от глупого восклицания:

– Неужели нельзя иначе?!

– Нельзя, – жестко отрезал Сталин. – Я тоже не хотел, тоже спрашивал, нельзя ли иначе. Но Бог не отпустил. Пришлось подчиниться обстоятельствам. И тебе придется. Я не хотел волновать тебя раньше времени, пока не закончится война. А теперь пора...

Впрочем, один аргумент у Берии был, все тот же: не могут два кавказца друг за другом управлять такой большой страной. Что станут говорить?

– Не волнуйся, – засмеялся Сталин. – Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики.

Именно после этого разговора вождь начал все больше переключивать на них с Вознесенским и Маленковым государственные дела. Берия скоро понял его план. Георгий занимался безбрежной текучкой государственного управления, кадрами, партийной работой – из него явно готовили политического лидера, генсека. Вознесенский должен был взять на себя стратегическое планирование экономики. Берии досталось оперативное руководство,

² ГКО – Государственный комитет обороны, высший орган управления Советским Союзом во время Великой Отечественной войны.

а еще внутренняя и национальная политика – работа для реального главы государства. Сталин учил его всему, что знал сам. Особенно трудно давалась внешняя политика, к которой Берия не имел ни склонности, ни особых способностей. Как легко было все это понимать, занимаясь разведкой, и насколько трудно оказалось работать поваром на этой кухне. Однако Сталин был непреклонен.

– Я знаю, дипломат из тебя не выйдет, – говорил он. – Ты слишком нетерпелив и не имеешь вкуса к интриге. Ну да ничего. Мы сделаем министром иностранных дел товарища Вышинского. С Андреем Януарьевичем ты можешь быть за иностранные дела спокоен, так, как я во время войны был спокоен за оборонную промышленность...

А потом произошла катастрофа – «ленинградское дело». Сначала открылась вся госплановская клоака – приписки, злоупотребления, шпионаж... Берия читал отчет комиссии по проверке кухни Вознесенского, и ему было страшно идти с этим к Сталину – так страшно, как в тридцать девятом, когда носил ему результаты проверки деятельности НКВД, видел, как вздуваются желваки на лице вождя и ощущал себя стоящим на краю вулкана. Больше, чем Сталина, он боялся тогда лишь себя самого, потому что никогда не чувствовал в себе такой захлестывающей, оглушающей ненависти. Тогда – и сейчас. Ему бы следовало молчать, но он все же не удержался, спросил:

– Что будет с Вознесенским? – И тут же подстраховался: – Какую установку давать МГБ?

Бог ты мой, как будто Абакумову³ надо было давать какие-то установки! Сталин понял эту детскую хитрость, бешено глянул по-кошачьи пожелтевшими от ярости глазами, прошелся по кабинету и тихо сказал:

– Кто такой Вознесенский? Я не знаю такого человека.

Помолчал и продолжил:

– Я думаю, мы слишком обрадовались нашей победе в войне. И мы поторопились с отменой смертной казни, товарищ Берия. Мне что-то подсказывает, сейчас настало время вернуть эту меру наказания в наш Уголовный кодекс...

Еще помолчал:

– Дай установку МГБ расследовать это дело как дело о вредительстве и шпионаже. Эти мерзавцы не приписками занимались. Они предали Родину.

Больше о Вознесенском они не говорили никогда. Да и не до того было: теперь на Лаврентия ложилось управление всей экономикой Советского Союза, от начала до конца. После каждой новой нагрузки, камнем опускавшейся на плечи, Берия думал: на сей раз все, больше он не выдержит. Однако выдерживал, начиная постепенно понимать секрет фантастической работоспособности Сталина.

– Лаврентий, знаешь, какой у тебя самый главный недостаток? Ты хочешь сделать все и сразу. А ведь должен помнить сказку про девушку, которая каждый день вносила на крепостную стену быка. Сначала она носила туда маленького теленка. Потом он все рос и рос, и однажды про нее стали говорить, что она делает невозможное... А она всего лишь ничего не делала наскоком.

И все же когда случилось то, о чем все чаще говорил Сталин, Берия понял, что на самом деле основную часть ноши вождь нес сам. Он взваливал на них с Георгием работу, но ответственность оставлял себе. После его смерти нагрузки-то почти не прибавилось, однако ответственность, которая легла теперь на их с Георгием плечи... не надо хоть себе-то врать, Лаврентий, на твои плечи она легла! – была вторым быком, по весу не уступающим первому. Потом станет легче. Потом, когда они закончат преобразование государства, когда поставят надежных людей на нужные места... А пока что изволь-ка тащить все на себе да еще ухит-

³ Виктор Абакумов в то время был министром государственной безопасности.

риться остаться в живых, не упасть и умереть на полпути. И, кстати, хватит размышлять. Ты можешь спать еще целых полтора часа, а твоя жизнь – казенное имущество, товарищ Берия, да...

– Ничего, ба тоно Иосиф, – тихонько произнес он, закрывая глаза, – нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики...

Москва. Проспект Мира. 7 часов утра

Будильник задребезжал и замолк, сильно пристукнутый ладонью. Эту безотказную машинку Павел купил два года назад на толкучке во Львове, и с тех пор не мог ею нахвалиться. Немецкий механизм безропотно выносил варварское обращение разбуженного офицера. До тех пор приходилось менять будильники не реже чем раз в два месяца, а товар, между прочим, дефицитный и недешевый. Стефа спала еще крепче мужа, поэтому, когда очередной будильник был уже сломан, а новый еще не куплен, приходилось просить соседей оказать услугу, – а будить майора Короткова было занятием не для слабонервных.

Они поселились в этой квартире два года назад, когда майора направили на учебу в Военно-дипломатическую академию. Как семейному, ему дали двенадцатиметровую комнату в коммуналке, где они и жили теперь вдвоем: он, Стефа и семилетний Вовка. Квартирка была та еще. Максим Капитоныч, тихий старичок-учитель, живший через две комнаты от Коротковых, называл ее Вороньей слободкой. На заданный между делом вопрос о причине такого странного наименования сосед дал майору потрепанную книжку.⁴ Они прочли ее вместе со Стефой, заходясь от смеха, и лишь теперь поняли, почему в обычной, буднично-московской речи жильцов проскальзывали странные выражения. «Свет за собой в уборной надо тушить» – хотя свет как раз тушили все; «В гимназиях не обучались», «Айсберги, Вайсберги, Айзенберги, всякие там Рабиновичи» – при том, что, за исключением последнего года, ко всем национальным вопросам жильцы относились с чисто русским безразличием.

– У наших соседей много хороших человеческих недостатков, – смеялся учитель, – но отсутствие чувства юмора в их число не входит. Двадцать лет назад я первым в нашей квартире купил эту замечательную книгу, мы читали ее вслух по вечерам, и покойный Федор Петрович сказал, что она написана про нас. Остальные согласились – нелепо спорить с очевидным...

Квартира была буйной. Не проходило и дня, чтобы в кухне не клубилась вулканическая коммунальная скопка. Особенно донимала Коротковых супружеская чета, занимавшая комнату напротив. Трудно сказать, как они строили свой график семейной жизни, – но ровно в десять муж и жена, он в пижаме, она в халате, посещали известное заведение и гасили у себя свет, а среди ночи, как минимум раз в неделю, у них разгорался грандиозный скандал. Дойдя до фазы мордобоя, семейная сцена выкатывалась в коридор, на шум поднималась вся квартира, и завершалась баталия уже под утро визитом милиции. Павел терпел два месяца, но однажды участковый милиционер, забирая расхоронившегося супруга, укоризненно взглянул на него и сказал:

– Хоть бы вы, что ли, навели порядок, товарищ майор...

И тогда он решил действовать.

В ближайшую дурную ночь, когда шум достиг вершины и кто-то уже собрался бежать за милицией, дверь комнаты Короткова открылась и на пороге возник майор в нижнем белье, с трофейным «вальтером» в руке.

⁴ Коммунальная квартира под названием «Воронья слободка» описана в романе Ильфа и Петрова «Золотой теленок».

– А ну молчать! – взревел он могучим командным голосом, левой рукой сгребая возмутителя спокойствия за ворот пижамы. – Молчать, падла! Еще раз ночью пикнешь, застрелю! Мне ничего не будет, я контуженый!

И обвел бешеным взором собравшихся жильцов, которые по стеночкам, по стеночкам быстро попрятались в свои норы. Страшен был майор, очень страшен. Если бы жильцы могли видеть сквозь стены, они бы углядели, конечно, как в комнате, уткнувшись лицом в подушку, загибалась от хохота Стефа – два вечера они вместе в подробностях разрабатывали сцену усмирения. Но жильцы не могли видеть сквозь стены.

С того времени по ночам в квартире было тихо.

...Павел поднялся, прошлепал босыми ногами, сорвал со спинки стула галифе и, вздохнув, принялся их натягивать. Стефа тоже встала, попробовала снова уложить Вовку, который вскочил, чтобы сделать вместе с отцом зарядку, и пошла на кухню готовить завтрак. Начинаясь новый день...

Москва. Кабинет министра обороны. 7 часов 15 минут

– Скажи правду, Георгий Константинович, тебя ведь удивляла политика последних месяцев?

Маршал Жуков и Хрущев между собой не церемонились. Хоть и недолго работал Жуков на Украине перед войной, но успел хорошо сойтись с тогдашним первым секретарем республики. Не то чтобы между ними была какая-то особая любовь, они оба были одинаково грубыми и напористыми и ссорились иной раз отчаянно, поливая один другого отборными матюками, но зла друг на друга не держали. Чиновники, в очередной раз услышав из начальственного кабинета ненормативную лексику, пересмеивались между собой: мол, милые бранятся – только тешатся.

Сразу после смерти Сталина Хрущев (формально Булганин, но с подачи Никиты Сергеевича, естественно) вытащил Жукова из уральской ссылки, назначил первым заместителем министра обороны и теперь вправе был ожидать от него лояльности. Тем более что с Берией у маршала имелись свои счеты. Ни для кого не было секретом, какую позицию занял тот в 1948 году, когда расследование деятельности мародеров в Германии вплотную подошло к «полководцу Победы» и этот вопрос вынесли на заседание Политбюро. Берия никогда не считался с политическими соображениями, в принципиальных дискуссиях использовал стиль атакующего танка, и если бы не заступничество Сталина, маршалу пришлось бы отправиться куда дальше, чем к Уральским горам,⁵ и не округом командовать, а совсем в ином качестве.

Так что политика последних месяцев удивляла маршала, и даже весьма, весьма удивляла.

– Так я скажу тебе, Георгий, что Политбюро об этом думает. Вот ты Берлин брал, да, а потом мы в Германии социализм строили. А теперь есть предложение все обратно капиталистам отдать. Единую Германию, понимаешь ли, кое-кому захотелось. Социализм там уже не нужен, да... Как это тебе нравится?

– Никак не нравится. Не для того фрицев били...

– И ладно бы только это. Но ты посмотри, что за эти три месяца всякого случилось. Была амнистия. Чтобы по всей стране расползлась лагерная шпана – зачем? Неужели не понимаешь? Дестабилизировать обстановку, посеять в народе недовольство партией и правительством. А постановление в партийных органах республик только на своих языках раз-

⁵ В 1948 году в связи с «делом мародеров» маршал Жуков был назначен командующим Уральским военным округом. На этом посту он находился до марта 1953 года.

говаривать? На Украине один товарищ на трибуну вышел и так прямо и заявил: кто украинского не знает, учите, потому что русского языка здесь больше не будет. Я хоть и сам с Украины, но скажу тебе: это же явный сепаратизм. Мы всегда говорили по-русски, и никогда русский язык нам не мешал, да. Поглаживает по голове русский народ, а сам в спину ножик. Вносит раскол между нациями. Явный же провокатор! А паспортные ограничения для эзков зачем отменять – пусть живут, где хотят?! Чтобы врагам легче было вербовать себе агентуру – где захотел, там и навербовал! И все это, Георгий, один человек делает...

– Да что ты мне объясняешь! – не выдержал маршал. – Знаю я все, и человека этого знаю. Давно удивлялся, как вы его терпите...

– Вот и мы тоже удивляемся, как мы его терпим. Он ведь везде трезвонит – Молотов то, Маленков се, интриган, за дураков всех считает, он один все понимает, он великий разведчик... А он умный, хитрый провокатор, и наглость его невозможно больше терпеть. Он ведь нас в грош не ставит. Помнишь, как мы весной выступали против культа личности, чтобы среди нас не было больше вождей? А о нем уже сейчас говорят, что это Сталин сегодня. Но ему и этого мало...

Хрущев замолчал, вытер лоб. Жуков усмехнулся про себя: он знал, как Никита любит помитинговать. Не иначе, репетирует очередное выступление. Сейчас наговорится, и речь пойдет о деле. И верно: первый секретарь выпил полстакана воды и продолжал уже суше и по-деловому.

– В общем, не буду заводить рака за камень, Георгий. Теперь этому человеку мешаем уже все мы, все Политбюро. И вот что он задумал. Завтра мы будем на опере «Декабристы». И вот там, в Большом театре, нас и арестуют. Это лишь так говорится, будто арестуют, а на самом деле никто нас арестовывать не собирается, а просто-напросто к стенке прислонят, и все. Мы случайно узнали, в последний момент верный человек сказал. Ты думай, Георгий, тебе ведь тоже ничего хорошего не светит, не надейся, на этот раз Уральским округом не отделаешься.

Хрущев быстро взглянул на маршала, острые и внимательные глаза выплянули из маски дурашливого простачка, как два зверька из норок, выплянули и спрятались, но что нужно, увидели: маршал явно испугался. Ну, если не испугался, то ему стало очень не по себе, это уж точно. Правда, он тут же преодолел мимолетную слабость и спросил деловито и решительно:

– Что надо делать?

– У нас есть всего один-единственный день. Мы решили арестовать его сегодня на заседании Политбюро. Сам понимаешь, не чекистам же это доверять.

Жуков поморщился было, но тут же сказал:

– Надо, так арестуем. Проголосуем личным табельным оружием. Можете на меня рассчитывать.

– Нет, для тебя у нас есть другое дело. Мы тут с Николаем подумали: надо бы принять меры на случай, если Берию мы вовремя обезвредить не сумеем.

– Что значит – не сумеем? – нахмурился Жуков.

– То и значит, Георгий, не прикидывайся, не мальчик. В этом деле замешаны полтора десятка человек. Вдруг ему кто-нибудь на ухо капнет. Или он сумеет уйти, уже когда будем арестовывать, – он ведь старый чекист, приемы всякие знает. Ему хватит из кабинета вырваться и добежать до первого же поста внешней охраны. Там ведь сплошь чекисты. Менять их до его ареста нельзя, нашумим. А если он вырвется, плохо будет. Больших сил у него нет, но ему много и не надо – поднимет дивизию Дзержинского, и они возьмут Москву без единого выстрела.

Жуков хмыкнул, пожал плечами.

– Значит, надо взять Москву самим, только и всего. Проще простого. Войск у нас в округе предостаточно, тем более сейчас идут учения, так что и объяснять ничего не надо. Возьмем город в ходе учений. Введем танки, пехоту, на Ленинских горах поставим артиллерию, никакие дзержинцы к Москве и не сунутся.

– Ай да Георгий! – засмеялся Хрущев. – Вот что значит боевой маршал. Давай действуй, готовь приказы. В десять у нас заседание Совета Министров, Политбюро начнется в четырнадцать, в это время и поднимай войска. Раньше – нашумим, позже – опоздаем. А уж мы в долгу не останемся. Будешь у нас министром обороны и полководцем Победы, как и хотел...

Жуков снова поморщился:

– Не дело перед боем ордена делить. Выполним задачу, тогда и поговорим. Я так понимаю, кое для кого эта операция поважнее Берлинской будет... Не бойся, Никита, все сделаем.

Он круто повернулся и вышел. Хрущев и молча просидевший весь разговор в уголке Булганин переглянулись.

– Не много ты ему обещаешь? – спросил министр. – Уж очень амбициозен, я бы такому большой власти не давал. Он ведь у нас полководец Победы. Как бы не захотел въехать в Кремль на белом коне...

– Не бойсь, Коля. В самый раз, – махнул рукой Хрущев. – А вот если захочет большего – то мы с ним по-другому поговорим. Попробует въехать в Кремль на белом коне – проедет по Красной площади на лафете.

Тем временем портьера, ведущая в соседнюю комнату отдыха, качнулась, и на пороге показался третий человек. Простой серый костюм, лицо, с каким впору играть в кино секретаря райкома. Обычный, в общем, партийный товарищ. Однако при виде этого человека Булганин отвернулся, а лицо Хрущева искажилось яростью.

– Ну что? Доволен? Всех нас под монастырь подвел, гестаповец! Забыл тридцать восьмой? А теперь нам всем за тебя отдуваться.

По правде сказать, смысл тирады был именно таков, но лексика несколько отличалась. Простой человек был Никита Сергеевич, и слова употреблял простые, шахтерские...

Дача Берии. 9 часов утра

Обычно Берия подвозил сына в Москву, но сегодня Серго уехал раньше. Лаврентий Павлович был этим даже доволен. В последнее время отношения у них были непростыми. Серго задавал слишком много вопросов. А получив ответ, сразу начинал спорить, и Берия раздражался. Никогда раньше он не позволял себе так говорить с Серго, однако теперь усталость и привычка руководить шутили с ним злые шутки. Нино понимала все и терпела, а сын обижался, особенно если отец срывался при его жене. Нельзя так, нельзя, однако ничего не поделаешь – когда весь день держишь себя в стальных тисках, немислимо сдерживаться еще и дома... Остается надеяться, что Серго это понимает.

Ладно, потом, когда станет легче, они наладят отношения. Станет же когда-нибудь легче... Но сегодня лучше, что они едут врозь, ему хватило и утренней беседы за чаем. Нино поинтересовалась, собирается ли он арестовать своего предшественника, который таких дел в МВД наворотил, аж страшно становится. И Берия сказал то, чего не надо было говорить: как раз сегодня на Президиуме ЦК⁶ он собирался потребовать ареста Игнатьева. Ну и Серго, конечно, сразу же принялся спорить. Почему за все безобразия должен отвечать министр –

⁶ Президиум ЦК – правильное, официальное название органа, который большинство героев по старинке называют «Политбюро».

это же несправедливо; отец, можно подумать, при тебе в тюрьмах не били, а ты ведь себя не посадил... и так далее, в том же духе.

Да, при нем тоже в тюрьмах били, но он-то палачей сажал и стрелял, а не культивировал, как Игнатьев. Когда в декабре сорок первого он потребовал высшей меры для начальников конвоев и тюрем за бессудные расстрелы заключенных во время эвакуации, даже Сталин засомневался, спросил: «Ты уверен, что это необходимо?» «Уверен! – ответил тогда Берия. – Те из чекистов, кто при нашей работе сумели остаться людьми, поймут: человеческий облик терять нельзя, а те, кто уже не люди, будут бояться. Палачей надо карать в обязательном порядке, и так, чтобы все запомнили». Вот и Игнатьева тоже... нет, на этот раз он добьется открытого процесса. В чем другом уступит, а палачей будут судить принародно...

И ведь знает все это Серго, но словно черт какой-то его за язык тянет. Или сам он что-то делает не так? До такой степени не так, что даже сын перестал его понимать?

– Нет! – жестко сказал Берия. – Я их стрелял в тридцатые, буду стрелять и сейчас. И чем выше должность, тем беспощаднее.

– Все равно всех не перестреляешь! – не сдавался сын.

В результате они снова поссорились, и Серго уехал обиженный. Ничего, к четырем часам, когда они встретятся в Спецкомитете, сын остынет, они вместе вернутся на дачу. Это хорошо, у Нино будет меньше поводов для подозрений...

Ровно в девять подали машину. Нина Теймуразовна вышла проводить мужа. Запахнула ему плащ, поправила шелковое кашне. День был пасмурный, а здоровье Лаврентия в последнее время серьезно пошатнулось. Нельзя столько работать, да еще эти испытания, эти светящиеся радиацией полигоны... Ничего толком она не знает, питается обрывками слухов, а это еще страшнее, чем правда, какой бы она ни была.

За воротами к бериевскому «паккарду» пристроились два автомобиля сопровождения, и машины рванули в сторону Москвы. Они давно скрылись за поворотом, а Нина Берия стояла, смотрела на дорогу. Подошла Марфа, тихонько стала рядом. Спросила:

– Вы уверены?

Нина Теймуразовна кивнула:

– Я всегда чувствую, когда Лаврентий едет к ней...

– Нино, пойми, – сидя в машине, Берия вел безмолвный разговор, который длился уже не первый год. – Ты моя жена, и останешься ею навсегда. Но там растет мой ребенок. Я не могу бросить ребенка. Ты сама отказала бы мне в уважении, если бы узнала, что я поступил так...

Машина выехала из поселка и помчалась по направлению к Москве.

Министерство обороны. Кабинет Булганина. 9 часов 15 минут

На разработку плана у них было совсем немного времени, и работали в авральном порядке. Два часа министр и маршал писали приказы, ставили невидимые стрелки на картах, решали, какие войска задействовать, какие командиры будут подчиняться, не задавая лишних вопросов, а каких лучше обойти стороной. Решили привлечь танковую и мотопехотную дивизии, поставить на Ленинских горах артиллерийский полк, подготовить несколько авиадивизий для психической атаки.

В комнате отдыха были свои разговоры. Там пили чай Хрущев и Москаленко.

– Не понимаю я тебя, – говорил Москаленко, откусывая от бутерброда. – Почему ты Жукова чистеньким оставляешь? Мы, значит, будем полицейскую работу выполнять, а он – войска водить в белых перчаточках?

– Ну и дурак, раз не понимаешь, – отвечивал Хрущев. – А ты пойми. Самая важная работа в этом деле какая? Берию взять. И ее доверяют надежным. А Жуков – какой он надежный? Если что выйдет не так, ты знаешь, на кого он пистолет наставит?

– Почему может пойти не так? – поинтересовался Москаленко. – Думаешь, мы его взять не сумеем?

– Суметь-то сумеете, дело нехитрое. А как ты поступишь, Кирилл, если председатель Совмина товарищ Маленков встанет, прикажет тебе убрать оружие и покинуть помещение, а сам возьмет телефонную трубку и вызовет охрану? Или если товарищ Молотов вспомнит, что на арест Берии требуется санкция Верховного Совета и предложит поставить вопрос на обсуждение, а остальные его поддержат? Будешь арестовывать все Политбюро?

– Ну и буду, – мрачно сказал Москаленко. – Нельзя им позволять вызвать охрану. Маленкова надо придержать на месте, чтобы не рыпнулся...

– Правильно мыслишь, Кирилл. Придержим. Но для этого надо, чтобы все, понимаешь, как один, единым дыханием... А Жуков? Он себя как поведет? Молчишь? Нет уж, пусть лучше в штабе сидит, войска двигает, от нас подальше. Если что, Николай его легко в сторону отодвинет, а ему до нас не добраться.

Москаленко напряженно думал, нахмурившись и сосредоточенно глядя, как вихрится водоворотиком чай в стакане. Прав Никита Сергеевич, ох как прав. Он, может статься, еще и сумеет проигнорировать Маленкова, Батицкий тоже человек надежный, остальные его ребята сделают, что им скажут – не зря он четыре года себе людей подбирал, с тех пор как Хрущева в Москву перевели. А вот за Жукова и его команду поручиться трудно... Задумавшись, он даже вздрогнул, когда Хрущев хлопнул его по плечу.

– Гоп, кума, не журися! – засмеялся он. – Пусть Жуков думает, будто мы собираемся арестовать Берию на заседании Политбюро. А мы этого делать не станем. Политбюро назначено на четырнадцать, а в десять начинается заседание Совета Министров, Берия там будет докладывать по Германии. Болтать он не любит, справится быстро. Потом объявим перерыв, и он наверняка поедет обедать к себе на Качалова.⁷ А ты возьмешь людей, сколько нужно, отправишься туда и арестуешь этого мерзавца. Таким образом, все будут думать – вот сейчас дело начнется, а оно, глядь, уже и кончилось. И тут уж как ни трепыхайся... И спрячь его как следует, в самое лучшее место, чтобы ни одна собака не прознала...

– Тепленьким возьму, и на гарнизонную гауптвахту, – кивнул Москаленко. – Там комендант – свой человек. Потихоньку проведем, запрем в карцер, там хоть криком кричи, ни до кого не докричишься.

– Не умеешь ты слова понимать, Кирилл. Ну какое это надежное место – гауптвахта?

– Где же тогда, Никита Сергеевич? – не понял Москаленко.

– Сам подумай. Как говорили наши товарищи в тридцать седьмом? Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы... Честь тебе, если возьмешь Берию тепленьким, а уважение, если не тепленьким, а холодненьким, – шутка понравилась Хрущеву, он рассмеялся. – Если наш дорогой Лаврентий Павлович откинет копыта при попытке сопротивления, то и славно. И с ним мороки не будет, и Политбюро тогда уже никуда не денется, все под нашу музыку спляшут. Главное, не упусти его, остальное приложится... Да, и еще. Георгий Константинович уже предпринял некоторые меры на случай, если мы Берию упустим. Я тебе доверяю, но все же сделай кое-что и ты. Отправь людей к нему на дачу и перевези-ка его семью в надежное место.

– На гауптвахту? – поднял брови Москаленко.

⁷ Дом Берии находился на улице Качалова (теперь Малая Никитская).

– С дитями на гауптвахту? Ну ты совсем не думаешь, Кирилл. Это же завтра вся Москва трещать будет, мол, в гарнизоне детишек на губу посадили. Нет, подбери дачку хорошую, с высоким забором, пусть пока там посидят, а дальше поглядим...

В дверях показался секретарь, что-то зашептал Хрущеву.

– Пришел? – спросил тот. – А как там вояки, закончили? Тогда пусть Жуков идет, займется делом, а мы будем разговаривать в кабинете. Да, кстати, иди и ты, Кирилл. Выполняй, что поручили. Справишься – в долгу не останусь. Будешь начальником МВО. Этого бериевского прихвостня⁸ давно пора оттуда выкинуть. Мне в Москве свой кадр нужен...

Москаленко ушел, но Хрущев с Булганиным недолго оставались одни. Дверь отворилась, и на пороге появился еще один человек. Министр обороны тревожно посмотрел на партийного секретаря, но тот сделал неопределенный, однако успокаивающий жест: мол, все в порядке. Человек остановился перед ними, слегка расставив ноги, посмотрел исподлобья.

– Что волком глядишь, Ваня? – засмеялся Хрущев. – Не любишь? Так я не девка. Я и сам не сказать, чтобы тебя очень любил. Однако сейчас мы в одной лодке. Перевернется – все потонет...

Серов, заместитель министра внутренних дел, начальник Главного Управления госбезопасности, по-прежнему молчал.

– Ты знаешь, чего сегодня потребовал Берия? – продолжал между тем Хрущев. – Не знаешь. А я знаю. Потребовал он крови. Он собирается арестовать товарища Игнатьева. А ведь Семен Денисович не тебе чета, он все же министр, хоть и бывший. И ты сам подумай, Ваня, ты ведь Берию знаешь. Уж если он за что взялся, то доведет дело до конца.

Он перевел дыхание внимательно взгляделся в Серова. Тот молчал. Хрущев нервно заходил по кабинету.

– Ты не думай, дескать если к игнатьевским делам непричастен, то отвертись. Помнишь, как в Германии покуролесил? Лаврентий тоже помнит, будь уверен. А если сам забыл, то ему псы его цепные напомнят, Меркулов и компания. Ты думаешь, он их в ГУСИМЗ⁹ подкормиться пересадил? Ага, так и было, за пончиками в Европу послал! А вы с дружками долго думали, кто капнул, что стали дело мародеров раскручивать? – Хрущев в возбуждении заходил по кабинету, вглядываясь в посеревшее лицо чекиста. – Помнишь, какого страху натерпелся? Тогда-то тебя не тронули, Абакумов своих под суд не отдавал, ну да Берия – не Абакумов, он все тебе припомнит: и баб, и золотишко немецкое, и подвалы Дойчбанка, которые вы с подельниками чистили. Если встретишь Новый год на нарах, а не у стенки, то считай, повезло тебе... Берия не простит.

Серов вскинул голову, бледный до синевы, глянул бешено:

– Зачем ты мне все это говоришь?

– А затем, что я хочу спасти Игнатьева. А также маршала Жукова и других хороших людей. Ну и тебе могу помочь заодно. И цел будешь, и должность получишь отличную. Но взамен надо, чтобы ты кое-что сделал для нас.

– Что именно? – выдохнул Серов.

– Сегодня в два часа наши ребята будут брать Берию. Приедешь к этому времени в Кремль, в приемную Маленкова. Будешь там ждать. Когда вызовут на Политбюро, сообщ-

⁸ Командующий МВО П. А. Артемьев в 1938–1941 гг. был командиром дивизии НКВД, затем начальником управления оперативных войск НКВД.

⁹ ГУСИМЗ – Государственное управление советским имуществом за границей. После того как Берия в декабре 1945 года оставил пост министра внутренних дел, большая часть его старой команды перешла в это управление, навряд ли совмещавшее свою работу с разведывательной и контрразведывательной деятельностью. Всеволод Меркулов, помощник и заместитель Берии, в 1947 году возглавил ГУСИМЗ, а в 1950 году стал министром госконтроля. Это министерство многие исследователи считают личной спецслужбой Сталина.

щишь им, что Берия задумал переворот, ты это совершенно точно знаешь, потому как он тебе приказал завтра в театре всех нас арестовать и препроводить к ближайшей стенке. Понял?

– Ты меня, Никита Сергеевич, совсем за сволочь держишь, – гневно, но уже без прежнего запала сказал Серов. – Это ведь Берия, а не ты мне карьеру делал, от тебя только бабские вопли слышал да ругань. А ты хочешь, чтобы я там, где ел, там и срать уселся?

– Срать ты будешь на параше! – внезапно заорал Хрущев. – И без тебя, говнюка, обойдемся.

Ошарашенный Серов примолк. Прямой схватки с Хрущевым он никогда не выдерживал, да и никто почти ее не выдерживал, кроме маршала Жукова. Еще Берия мог бы, пожалуй, – но Берия предпочитал с Хрущевым не ругаться, он терпеть не мог бесполезных вещей.

– Про Берию можешь забыть! – внезапно успокоившись, отрезал Хрущев. – Его, считай, уже нет. О себе лучше подумай. Я ведь могу в вашей конторе и другого кого найти. А то и вообще без вас обойтись. Тот, кто сейчас пойдет с нами, получит потом от нас хорошее место, а кто говно понюхать боится – на Колыму, эзков охранять. Не хочешь – не надо. Но только вот еще о чем подумай: мародерство твое ведь и мы можем припомнить... и вот тебе мое последнее слово: отсюда ты выйдешь либо с нами, либо под конвоем. Ступай туда, – он кивнул на дверь в комнату отдыха, – охолони, чаю попей. Можешь сто грамм хряпнуть, но не больше, понял? Потом вместе с товарищем Игнатьевым... – он заметил мгновенную брезгливость на лице Серова и прибавил напору: – вместе с товарищем Игнатьевым, ты мне тут рожки не корчи... поедешь к себе в МВД и будешь ждать сигнала. А ты, Коля, позови-ка двоих парней понадежнее, пусть с ним побудут, пока все кончится. И скажи, в случае чего пусть в уговоры не пускаются.

Серов, не говоря ни слова, направился к двери. Булганин плотно прикрыл ее за чекистом и, коротко взглянув на Хрущева, усмехнулся:

– Крепко ты его. Не хуже маршала Жукова.

При имени маршала Хрущев поморщился.

– Георгий орать умеет только на подчиненных. А поставь его один на один без погон, его тот же Серов уделает. Я ведь на шахте работал, а ты попробуй шахтеров чего заставь. Не солдаты, понимаешь, им расстрел за невыполнение приказа не впаешь. Ничего, Ваня, – обернулся он к закрытой двери, – ты у меня будешь не то что срать там, где ешь, ты у меня говно жрать будешь.

– А нужен он нам? – спросил Булганин. – Есть ведь и другие.

– Другие есть, а нам он нужен, – жестко отрезал Хрущев. – Дело ведь не только в том, чтобы охрана в двенадцать часов не взбаламутилась. А ты думал когда-нибудь, как поведут себя остальные товарищи чекисты, когда узнают, что случилось? Или тебе хочется, чтобы и тебя, как Троцкого, по голове ледорубом долбанули? Нет, нам нужен человек, который имеет полное право ими командовать и который после всего будет держать чекистов в кулаке. А Ваньку я знаю. Он сейчас охолонет, стопочку примет, поразмыслит и сделает все как надо. А за то, что мы ему Германию простим, он будет служить нам, как пес цепной...

Москва. Спецкомитет¹⁰. 12 часов 15 минут

– Кто? – переспросил Ванников в трубку. – У меня. Хорошо, переключай.

Заместитель Берии по Спецкомитету повернулся к людям, сидевшим вокруг заваленного бумагами стола, нашел среди них самого молодого:

– Серго. Тебя к телефону.

¹⁰ Специальный комитет № 1 – структура, руководившая работами по атомному проекту, т. е. разработке и изготовлению ядерного оружия.

– Амет-Хан? – удивился Серго Берия, взяв трубку. – Что случилось?

Амет-Хан Султан был летчиком-испытателем, одним из тех, кто работал вместе с ракетчиками. Однако вот уже почти месяц никаких испытаний не было. Не станет же он звонить в Спецкомитет по личному делу...

– Серго, – кричал Амет-Хан в трубку, – у вас дома стреляли!

– Как стреляли? – не понял Серго. – Где?

– У вас на Качалова была перестрелка. Люди говорят, из автоматов и из пулемета крупнокалиберного. Ваш дом оцеплен войсками. Ты все понял?

Серго стоял молча, окаменев, трубку стиснул так, что пальцы побелели. Откуда-то издалека доносился голос, продолжавший кричать:

– Тебе надо бежать! У меня машина стоит на соседней улице и самолет на нашем аэродроме. Я тебя вывезу...

– Нет, – Серго слышал свой голос со стороны, как чужой. – Я не могу. Я ни в чем не виноват. У меня жена, дети, мама. Как я их брошу, какой же я после этого мужчина?

– Прости, – уже тише сказал Амет-Хан. – Я знал, что ты откажешься. Но я не мог не предложить. Держись...

Тишина в кабинете стояла такая – комар бы не пролетел незамеченным. Серго опустил трубку.

– Что случилось? – откуда-то издалека услышал он голос Ванникова и поднял голову.

Борис Львович, бледный и встревоженный, смотрел на него. Серго попытался заговорить, но горло перехватило.

– Выпей воды, ты весь белый, – Ванников взял его за плечо, протянул стакан.

Отпив несколько глотков, Серго наконец обрел голос и, запинаясь, рассказал о случившемся.

– Это чушь какая-то, – мотнул головой Ванников. – Этого не может быть. Не знаю, что там Амет-Хану привиделось...

– Мне надо домой, – выдавил Серго. – Разрешите отлучиться, Борис Львович...

– Нет. Один ты не поедешь. Я поеду с тобой.

...В переулке возле дома стоял танк, во дворе – два бронетранспортера, солдаты ходили уверенно, как у себя в казарме. Во двор они с Ванниковым попали легко, однако в дом охрана их не пропустила. Борис Львович потребовал объяснений, но молчаливые солдаты на все его эскапады отвечали традиционным: «Не положено!» Серго участия в разговоре не принимал. Он молча смотрел на дом. Окна отцовского кабинета разбиты, на стене – след от пулеметной очереди. Кто-то подошел сзади, окликнул. Он обернулся – это оказался один из охранников.

– Серго, сейчас вынесли кого-то на носилках, накрытых брезентом...

Охранника тут же нетерпеливо окликнули. Ванников тронул Серго за плечо и направился к машине. Дальше расспрашивать не имело смысла, и так все ясно: военные на бронетранспортере легко снесли ворота и прорвались во двор, поднялся шум, отец подошел к окну – посмотреть, что происходит, и тогда его из пулемета...

Они вернулись обратно. В кабинете Ванникова было по-прежнему полно народу, он гудел как улей – все обсуждали страшную и непонятную новость. Едва они вошли, как наступила тишина. Ванников снял трубку.

– Никита Сергеевич? – сухо спросил он. – У меня в кабинете находится сын товарища Берия. Перед тем как отпустить его домой, я хочу получить от вас заверения, что с ним ничего не случится. Иначе он останется здесь, или я поеду с ним.

Он помолчал некоторое время, потом положил трубку и повернулся.

– Хрущев, – Серго машинально отметил, что Ванников не назвал его товарищем, – говорит, чтобы ты возвращался к семье и не беспокоился: все будет в порядке. Пойдем, я провожу тебя...

Во дворе уже стояли две машины и человек десять вооруженных людей. Ванников хмуро взглянул на них и обнял Серго на прощание.

– Держись, мальчик, – шепнул он. – Это переворот. Отец твой, по-видимому, убит, но за тебя мы еще поборемся...

Москва. Лубянка. Кабинет Серова в МВД. То же время

Серов снял трубку, сердито отвел упершееся в бок дуло пистолета.

– Да... А, это ты, Богдан... Да, знаю. Все в полном порядке, это была спецоперация. Да, по согласованию с товарищем Берия. Мы заранее узнали о нападении на его дом. Он не хотел тебя беспокоить, у тебя и так много работы. Да, всех взяли. Нет, не сейчас. Лаврентий Павлович в два часа будет на Политбюро, а потом приедет сюда. Не думаю, что он станет поднимать вокруг этого дела шум, незачем – все службы сработали четко... Да, Богдан, как только он выйдет на связь, обязательно передам. Я сейчас зайду к тебе, тут у меня кое-что интересное. Боржомом холодного тебе прихватить? Могу заглянуть в буфет по дороге...

Закончив, он повернулся, презрительно взглянул в глаза стоящего напротив Игнатьева и бросил:

– Идиоты! Шляпы партийные!

В МВД он пришел час назад, вместе с Игнатьевым. Их сопровождали генерал и полковник, фамилий которых Серов не знал. Минут сорок они делали вид, будто совещаются, пока бывший министр, все это время молча сидевший у стола, не сказал негромким будничным голосом:

– Послушайте, Иван Александрович. Ваша задача следующая. Через десять минут наши люди будут брать Берия у него дома. Как вы понимаете, он не такой человек, который сдастся без сопротивления. Вы должны, как и говорилось, нейтрализовать действия чекистов.

Серов, побелев, осекся на полуслове, несколько секунд смотрел на Игнатьева и тихо прошептал:

– Что? Что ты сказал, идиот?

– Поосторожней в выражениях! – все так же негромко проговорил Игнатьев.

– Крепины! Ублюдки!! – еще тише и еще яростнее шипел Серов.

– Берия жалеете? – пожал плечами бывший министр. – Раньше надо было жалеть, теперь уже поздно...

– Вот дурак! Да для Лаврентия это подарок судьбы – чем живым тебе в лапы попасть. Я нас жалею. С той группой, которая поехала к нему, связи, конечно, нет?

– Чего ты мельтешишь-то? – рассердился до сих пор молчавший генерал. – Все хорошо продумано. Если его сразу грохнуть, то чекисты будут сидеть и молчать. Защищать-то некого!

Проигнорировав генерала, Серов обратился к Игнатьеву:

– Ты видел, когда я пришел, то позвонил по телефону бериевскому секретарю?

– Видел. А в чем дело?

– А еще министром был, мудозвон! Я хотел выяснить, нет ли распоряжений, и узнать, где он сам. Мы всегда должны знать, где находится наш начальник, это правило такое, если запомнил. А мне сообщили... Погоди, сейчас проверю еще раз...

Не договорив, он схватил телефонную трубку и почувствовал, как в бок ему уперся ствол пистолета. Но Серову было не до того. Он выслушал ответ, положил трубку и молча обвел глазами присутствующих. И лишь потом заговорил:

– Ну так вот. Если вы думаете, будто Лаврентий дома, то вы ошибаетесь. Нет его там, и бригада ваша поехала зря.

– Где он? – быстро спросил Игнатъев, схватив трубку.
– Где? – шепотом рявкнул Серов. – В Караганде. Вне связи.
– Ну и как это понимать?
– Придурок! Умеешь только бумажки писать да зубы выбивать на допросах! А он чекист настоящий, делом занят. И когда он едет по делу, о котором никто не должен знать, он говорит: такое-то время буду вне связи. Теперь вы поняли, что натворили, идиоты? Молитесь, хоть бы Берия пришел сразу на Политбюро и не узнал о ваших художествах. Иначе всем вам конец, и мне с вами...

Игнатъев взглянул на полковника и шепнул:

– Быстро к Николаю Александровичу. Все доложить, – он обернулся к Серову и успокаивающе проговорил: – Ну ничего, Иван Александрович. Что он может-то? Мы вводим войска в Москву, дивизия Дзержинского блокирована, большой беды не будет.

– Ну не дурак ли? – опускаясь на стул, прошептал Серов. – Какая, на хрен, дивизия! Ты слово такое: «ликвидатор» – слышал? Тут никакая дивизия не нужна: придут два отделения, и через час будете или трупами, или на Лубянке. Дивизии они испугались...

Вот теперь и Игнатъев побледнел.

– Что же делать? – спросил генерал.

– «Отче наш» читать! Чтобы Берия не узнал о стрельбе. И...

И тут зазвонил телефон. Серов, не обращая внимания на пистолет, взял трубку, отвел упершееся в бок дуло и едва слышно шепнул:

– Кобулов.¹¹ Ну, теперь молитесь, чтобы он мне поверил...

...Окончив наконец разговор, Серов поднял голову, обвел глазами присутствующих.

– Оттуда, где он находится, Берия поедет сразу на Политбюро, до тех пор на связь выходить не будет. Если повезет, он может ничего и не узнать. Если узнает, залажет на какой-нибудь конспиративной квартире и свяжется с Кобуловым или Судоплатовым.¹² Поэтому их придется нейтрализовать, – он жестом оборвал открывшего было рот генерала: – Ваше ведомство сегодня уже проявило инициативу. Теперь будете слушать меня. Сейчас мы с тобой, Семен, пойдем к Кобулову. Скажу ему, мол, у тебя важная информация. Лепи что хочешь, лишь бы он тебя слушал. Он толстый, пьет много, и когда разговаривает, имеет привычку что-нибудь прихлебывать. Я ему возьму бутылку боржомом из буфета, из холодильника, и туда кое-что добавлю. Будешь с ним болтать, пока он не ляжет, потом оттащишь в заднюю комнату и придешь опять ко мне. Бутылку, кстати, не забудь забрать. А я тем временем вызову к себе Судоплатова. В крайнем случае придется его пистолетом по голове, будьте готовы, товарищ генерал. Все поняли?

Игнатъев кивнул и встал.

– Тогда действуем...

Кремль. Кабинет Хрущева. 12 часов 45 минут

– Как? – Голос первого секретаря сорвался. – Как – упустили? Ты понимаешь, какую ерунду мелешь?

Хрущев подскочил к Москаленко так яростно, что тот отшатнулся.

– Не было его дома... – говорил бледный до синевы командующий ПВО. – Не было его там. Охрана забаррикадировала двери, пришлось прорываться с боем, а самого-то и не было.

¹¹ Богдан Кобулов, старый товарищ и доверенный человек Берии, был одним из трех первых заместителей министра внутренних дел, наравне с Серовым и заместителем по МВД Кругловым.

¹² П. А. Судоплатов – в то время начальник разведывательно-диверсионного отдела МВД, «главный специалист» по спецоперациям.

– Куда же он делся?

Охранники сказали, он отпустил эскорт обедать, сам зашел в кабинет, взял какие-то бумаги и тут же уехал на своей машине, только с шофером и охранником.

– Нет, ну как же можно быть таким дураком, Кирилл? Думать же надо головой, а не жопой! – Хрущев выразительно постучал себя по лысине, и, как ни был напуган Москаленко, а промелькнула у него крамольная мысль о некотором сходстве первого и второго у его начальства. – А пронаблюдать было никак? Решили: а куда он, мол, денется? А теперь молись, чтобы ему не пришло в голову вернуться домой. И чтобы никто не доложил ему. Иначе...

Что означало это «иначе», Москаленко можно было не говорить. Арест, тюрьма, Военная коллегия, подвальная стенка. Он словно наяву почувствовал сталь наручников, услышал скрежет железной двери. Если они проиграют, останется только застрелиться.

Распахнулась, отлетев к стене, дверь, и в кабинет не вошел, а ворвался Булганин в сопровождении полковника, того самого, который недавно уехал с Серовым. Полковник коротко рассказал обо всем, что произошло на Лубянке.

– Так! – Обычно разбросанный и дурашливый, в минуты опасности Хрущев становился собранным и пугающе спокойным. – Людей на дачу послал?

– Да. Роту охраны и четыре бронетранспортера.

– Сообщи им, чтобы семью побыстрее вывезли. Да, кстати, разделите их. Жену в одно место, сына с семейством в другое. Детей перевозите отдельно, при малейшей опасности увезите как можно дальше. Понял?

– Чего тут не понять? Думаешь, мне заложников брать не приходилось?

– Тогда ступай. Сам не вздумай ехать. Возьми всех, кто у тебя есть надежный, и приезжай к двум часам сюда.

Махнув рукой, Хрущев повернулся к столу, взял телефонную трубку.

– Маршала Жукова, – и через несколько секунд: – Георгий! Даю команду. Действуй. К четырнадцати часам у нас должна быть вся музыка. Потом возьми надежных людей, сколько сможешь, и приезжай в Кремль...

И снова обернулся к Москаленко:

– Кирилл, раз уж ты здесь... Забегги по пути к Маленкову, попроси его секретаря зайти ко мне.

Ему надо было срочно обсудить с секретарем Маленкова маскировочный вариант, к которому они не готовились и который так неожиданно стал основным...

Квартира на Патриарших прудах. То же время

Этери о чем-то рассказывала, долго и путано. Берия сначала пытался разобраться, о чем идет речь, но потом махнул рукой и просто слушал голос дочери и думал о своем. Много лет он отчаянно завидовал Сталину, у которого была Светлана, а вот теперь дочка есть и у него. Это многого стоит и все искупает. Каких трудов стоило уговорить Нино остаться с ним – если бы она узнала про девочку, никогда бы этого не удалось... Но ребенка он не бросит!

– Давай послушаем музыку, – предложил он.

Этери тут же закивала и побежала за пластинкой. Берия открыл патефон, перевел взгляд на дома за окном. Говорят, архитектура – застывшая музыка, если так, можно ли считать музыку ожившей архитектурой? А к строительству домов он был равнодушен с раннего детства, в отличие от чекистской работы, которую терпеть не мог.

С вопросами МВД он будет разбираться в четырнадцать часов, а пока можно отдохнуть. Берия слушал музыку и думал о хорошем. О том, как после уродливых экспериментов 20-х годов они нашли наконец стиль, соответствующий обществу, которое хотят постро-

ить. Красиво и удобно для людей. Жаль, эти здания так медленно строятся, надо бы как-то решить жилищную проблему до того, как подрастут новые города.

Вот уже месяц, как он обдумывал одну старую интересную идею. Еще во время войны дипломаты рассказали Сталину об изобретенной одним из французских архитекторов новинке – сборных домах из железобетонных панелей. Не слишком красивое, но удобное и дешевое жилье и уж, в любом случае, лучше коммуналки. Вождю идея понравилась, но тогда было не время. А вот теперь, когда изменилась оборонная программа, поскольку решено использовать для доставки атомных бомб не самолеты, а ракеты... Теперь не понадобится планируемое количество аэродромов, и уже построенные бетонные заводы станут ненужными. На их базе можно и развернуть совсем новое, небывалое строительство. Дома, которые будут собираться из готовых деталей, как детский конструктор. Просто и быстро. За считанные годы можно обеспечить жильем всех нуждающихся. А тем временем будут потихоньку строиться новые прекрасные города...

...Он слушал музыку и думал об архитектуре. Через полчаса он поедет в Кремль, на заседание Политбюро, которое наверняка испортит ему настроение. Всего полчаса...

Дача Берию. 13 часов

Дача тоже была окружена солдатами, во дворе, так же как и на Качалова, стояли бронетранспортеры. Серго на мгновение стало смешно: за кого их принимают? Столько оружия против него и двух испуганных женщин.

Все обитатели дачи, включая детей, сидели в одной комнате, также под присмотром военных. Девочки капризничали, им давно пора было спать, и няня шепотом рассказывала какую-то сказку.

Едва он вошел, Нина Теймуразовна стремительно поднялась со стула.

– Где отец? – спросила она. – Ты его видел?

Серго, может, и хотел бы солгать, однако мать поняла правду по глазам и спокойно велела:

– Рассказывай.

Он рассказал обо всем, что видел на Качалова. Мать держала себя в руках, зато Марфа тихонько спросила:

– Что же будет? – и заплакала.

– Не бойся, – ответила Нина Теймуразовна. – Они ничего не посмеют с нами сделать, – а сама быстро взглянула на сына и приложила палец к губам. Серго стало ясно: мать все понимает.

Они не знали, сколько времени прошло – по ощущениям Серго, не больше получаса, – когда в комнату вошел незнакомый офицер-армеец.

– Есть указание перевезти вас с женой и детьми на другую дачу. Пойдемте с нами. Ваши вещи привезут позже.

Все же им не посмели запретить попрощаться. Нина Теймуразовна обняла невестку, детей. Потом повернулась к сыну.

– Ты теперь единственный мужчина, глава семьи, – сказала она. – Ничего не бойся, никому не верь и ни о чем никого не проси. Что бы ни случилось, веди себя достойно, – и, понизив голос, совсем уже неслышно шепнула: – Человек умирает один раз, помни, и если придется, встретить судьбу как мужчина...

Уже во дворе начальник конвоя усмехнулся:

– Подумать только, семья министра внутренних дел живет по воровскому закону. Не ожидал...

– Есть такая русская поговорка: с волками жить – по-волчьи выть, – хмуро ответил Серго. – Когда власть ведет себя по-бандитски, что остается людям?
Офицер нахмурился, однако ничего не сказал...

Приемная председателя Совета Министров Г. М. Маленкова. 13 часов 45 минут

– Сколько вас? – спросил Булганин.
– Со мной четверо, да с маршалом пять человек, итого одиннадцать, – ответил Москаленко, не смущаясь присутствием старших по званию.

Впрочем, никто не спорил. Генералы безмолвно соглашались, что он тут главный. Как будто бы, если все провалится, им не у одной стенки стоять.

- Оружие у всех есть?
- Обижаете, товарищ министр.
- Тогда идемте за мной.

Булганин провел их в небольшую боковую комнатку при кабинете Маленкова. Там во времена Сталина сидел помощник вождя Поскребышев, а теперь комнатка не использовалась. Мало помещеньице – одиннадцать человек еле разместились, ну да ладно, на войне как на войне...

– Когда дадут сигнал, войдете в кабинет. Трое берут Берию, двое контролируют Маленкова, чтобы не вызвал охрану, остальным рассредоточиться вокруг стола и присматривать за прочими. Берию, как арестуете, сразу вывести сюда, остальным оставаться в кабинете. Товарищ маршал, как старшему по званию, руководство операцией поручаю вам.

«Правильно, – подумал Москаленко. – Теперь Жуков повязан, никуда не денется, будет с нами до конца».

Наро-Фоминск. Кантемировская танковая дивизия. 14 часов

Сигнал тревоги вырвал танкистов из-за обеденных столов. Потому-то сначала и решили, что тревога учебная – начальство любило устраивать такие вот мелкие пакости, а уж день, когда командир дивизии отсутствует – его как раз выдернули на командно-штабные учения в Тверь, – был для проверки идеальным. Командиры полков так и решили: проверяют, мол, как полковник Пармонов справится без комдива. Ничего, справимся! Однако, прибыв в штаб и увидев полковника в полной растерянности, они примолкли. Тот отчаянно вызывал по телефону Тверь, которая почему-то не отвечала.

- Что случилось, товарищ полковник? – наконец спросил кто-то.
- Сам не знаю. Сейчас позвонил товарищ Булганин. Приказал поднять три полка, загрузить полный боекомплект и через сорок минут войти в Москву.
- Мы же не дойдем до Москвы за сорок минут!
- Пармонов только рукой махнул.
- Когда придем, тогда придем. Всем грузиться.
- Какие снаряды загружать?
- Всего поровну. И быстро...

Дальнейший разговор не поддавался никакому пересказу, поскольку литературными в нем были одни технические термины. Танкисты пулей летели к машинам. Разнесли ворота и заборы складов, грузились в бешеном темпе. Через час двести семьдесят машин мчались по Киевскому шоссе. По пути получили уточняющую задачу: один полк встает на Ленинских

горах, второй перекрывает Горьковское шоссе, третий блокирует почту, телеграф, улицу Горького, Кремль.

– Вот теперь все ясно, – сказал полковник своему заместителю.

– Что ясно?

– Из-за чего базар. Горьковское шоссе перекрыть, чтобы помешать подойти к Москве дивизии Дзержинского, она стоит в Реутово. Значит, или Берия что-то затеял, или против Берии что-то затеяли.

– Это же... – начал было зам, оборвал сам себя, испугавшись собственных мыслей. – Как поступим, товарищ полковник?

– Как поступим?! – рявкнул Парамонов. – Приказ будем выполнять, ... твою мать!

Как раз в это время те же слова произнес командир соединения реактивных бомбардировщиков полковник Долгушин, когда получил задание от командующего ВВС.

– ... твою мать! Да мне плевать, арестован Берия или нет! Объясни этим ... если мои самолеты, ..., отбомбятся по Кремлю, ..., не то что Кремля ... – Москвы не будет,! Без письменного приказа Булганина ни один самолет даже на взлетную полосу не выйдет! – он бешено взглянул на побледневшего командующего и вылетел из кабинета, хлопнув дверью.

Другие командиры были более стоворчивы. К счастью или к несчастью, подниматься в воздух им не пришлось. Дзержинцы так и не выступили. Кантемировская танковая и Таманская мотопехотная дивизии трое суток контролировали Москву. В чем дело, они узнали лишь через две недели и, кто бы что ни думал, мысли свои военные оставили при себе.

Кабинет председателя Совета Министров Г. А. Маленкова. 14 часов 15 минут

– А теперь перейдем ко второму пункту повестки, – сказал Маленков. – Слово для сообщения имеет товарищ Берия.

Берия поднялся, открыл портфель.

– Лаврентий, мы все знаем твое самообладание, но если после того, что произошло, тебе неудобно...

– А что произошло? – не понимая, поднял голову Берия.

Дальнейшее заняло не больше десяти секунд. Со своего места встал Булганин, протянул руку к кнопке вызова на столе Маленкова. И тут же в кабинет, топя сапогами, ворвались какие-то люди. Берии завернули руки за спину, швырнули лицом на полированный стол, чьи-то здоровенные лапы перехватили горло и в рот мгновенно засунули кляп.

«Переворот», – молнией сверкнула мысль.

Следующей была крамольная, подленькая мыслишка вырваться и выхватить у ближайших генералов пистолеты. Но тут же он вспомнил... нет, не о Меркулове и прочей чекистской команде – эти, считай, покойники. Он вспомнил о *других* – тех, о которых путчисты не знают, и никто не знает, кроме него, Всеволода¹³ и Богдана. Это ничего, что переворота не ждали так рано. Они справятся, все – опытные разведчики, нелегалы, не в первый раз им работать в одиночку в чистом поле. А он обязан жить, жить и узнать как можно больше, должен помочь тем, кто останется после него, дать им максимум информации прямо из логова врага. Попытаться, по крайней мере, стоит...

Застегнув наконец наручники, Берия быстро вывели из кабинета все в ту же боковую комнатку, пихнули на стул. За спиной встали двое, ткнули в затылок ствол пистолета. Сбоку кто-то невидимый быстро говорил:

¹³ Всеволод Меркулов, многолетний заместитель и доверенный человек Берии, в то время был министром государственного контроля.

– Теперь охрана. На пути к дверям два поста. Брать быстро. Наручники, кляп и в караулку – потом разберемся.

– Нет, – возразил второй голос. – Насчет охраны есть другой план.

– Пойдем спросим...

Двое ушли, а трое остались. Он поднял голову – у стенки напротив стоял красивый генерал-майор с густыми черными бровями, легендарной храбрости политрук с Малой Земли.

Тебя-то как сюда занесло, малоземелец? После крови еще и дерьма захотелось попробовать?¹⁴

Генерал-майор отвернулся, забарабанил пальцами по стене. Берия немного подумал и закрыл глаза. Так, пожалуй, лучше...

Кабинет Председателя Совета Министров Г. М. Маленкова. 14 часов 25 минут

...В кабинете мизансцена не изменилась. Восемь генералов, вытащив пистолеты, рассредоточились вокруг стола. Один нависал над Маленковым, блокируя телефоны и кнопки вызова. Хрущев держал речь.

– Только вчера поздно вечером мы узнали о предательских планах Берии. Когда было всех извещать? Прозаседались бы до самой вышки. Тогда мы с Николаем Александровичем решили взять ответственность на себя и нейтрализовать Берию, пока он всех нас не нейтрализовал.

– Откуда вы узнали о его предательских планах?

Этого вопроса Хрущев ожидал. Не ждал только, что задаст его Ворошилов. По идее, спросить должен был вьедливый Молотов – но Молотов молчит, лицо непроницаемо, лишь усы слегка шевелятся. Все видит, ничему не верит... но и протестовать не будет. Понимает, бесполезно. Если кто и станет протестовать, так это Маленков, бериевский прихвостень. Хотя нет, смотрит прямо перед собой, сквозь всех, – в шоке он, что ли? Ну погоди, дай срок, с тобой первым разделаемся...

– Верный человечек доложил, – торжествующе улыбнулся Хрущев. – Хоть и не любит меня, а жить при «вожде народов» Берии не захотел, так сильно не захотел, что сам ко мне пришел. Товарищ Москаленко, позовите-ка его.

Москаленко вышел и через полминуты вернулся с Серовым.

– Ну, расскажи нам, что ты мне вчера говорил...

Серов повторил, как было велено – о заговоре, о театре. Нет, не актер ты, Ваня, не актер. На лице огненными буквами написано, как тебе все это противно. Вот и заставили мы тебя говно есть, и ты морщишься, давишься, а глотаешь, глотаешь... Там, в МВД, ты шкуру свою спасал, не до размышлений было, а теперь опомнился малость, в душу себе заглянул. А мы не дадим тебе туда смотреть до поры до времени, пока весь наш не будешь, с потрохами. Молодец, Ваня, вот и хорошо... Хрущев повернулся к Булганину и едва заметно кивнул.

– Спасибо вам от лица партии, Иван Александрович, – торжественно проговорил министр обороны. – Еще одна просьба к вам. Нужно заменить охрану на пути к машинам. Скажете, что действуете по приказу министра внутренних дел. Там, внизу, бойцы охраны штаба ПВО, поставите их вместо чекистов. С вами пойдут генерал Батицкий и майор Юфеев.

– Хорошо, – не сказав больше ни слова, Серов повернулся и вышел.

Военные переглянулись. Москаленко подошел к Хрущеву, нагнулся, шепнул:

¹⁴ По воспоминаниям генерала Москаленко, Брежнев был в тот день в Кремле вместе с маршалом Жуковым.

– А ну как поднимет охрану в ружье?

– Не поднимет, – так же шепотом ответил Хрущев. – Я его не первый год знаю, и он меня знает. Если вздумает шуметь, то и Берию не спасет, и ему самому не жить. Да и мы тоже свои жизни будем продавать дорого, а заодно и этих захватим, – он кивнул на по-прежнему безмолвно сидевших за столом членов Президиума. – Нет, Ваня не подведет.

Говорить больше было не о чем. В бывшем сталинском кабинете повисла тишина. И тут внезапно поднялся Микоян, небрежно отвел рукой шагнувшего было к нему ближайшего генерала.

– Не волнуйтесь, я не собираюсь доставать маузер и палить по присутствующим. Я думаю, нам надо обсудить сложившееся положение. Нехорошо все вышло, товарищи. Я убежден, Берия надо было призвать к ответу открыто, предъявить ему обвинения на Политбюро. Но что сделано, то сделано. Не будем же мы звать его обратно и предлагать объясниться. Ни мы его не поймем, ни он нас. Однако есть у нас еще один долг...

Да уж, с Анастасом и сговариваться не надо. Сам все понимает.

– Это долг перед партией и народом, – продолжал Микоян. – Время сейчас трудное. И я думаю, нам не следует давать врагам повод для клеветы. Заговор в верхах вполне может созреть не только у капиталистов, но и у нас. Сила государства не в том, чтобы не допустить заговора, а в том, чтобы его вовремя обезвредить. В этом случае, конечно, не обязательны положенные санкции и процедуры. Но в нашей стране невозможен арест члена ЦК решением двоих членов Политбюро, без ведома остальных его членов. Это противоречит всем нормам партийной демократии.

– Что вы имеете в виду, товарищ Микоян? – осторожно спросил Булганин.

– Я имею в виду, если мы не смогли соблюсти это основополагающее условие вовремя, то надо сделать это хотя бы задним числом. Создать впечатление, будто бы вопрос о Берии был как положено подготовлен, и мы собирались рассмотреть его поведение на Политбюро. А потом товарищ Хрущев выступил с обвинением в заговоре, Берия в ответ достал оружие, и нам поневоле пришлось его арестовать.

– Да, и мы вспомнили революционную молодость, навалились на него и скрутили, – презрительно молвил Молотов.

– Нет, это я, предвидя возможные осложнения, попросил товарищей генералов прийти и побыть в соседней комнате, – выкрикнул Хрущев. Выдержка оставила его, и он быстрыми шагами ходил по кабинету, как зверь в клетке. – Ведь от этого мерзавца всего можно было ожидать.

– В интересах истории советую не вносить в протокол, что над нами стояли генералы с пистолетами, – проговорил Вячеслав Михайлович еще медленнее и еще презрительнее.

– Вы боитесь, будущие историки поймут нас неправильно? – тихо осведомился Булганин.

– Я ничего не боюсь, – усмехнулся Молотов. – Даже твоих псов, Никита. А вот тебе надо бы позаботиться о том, чтобы историки не поняли тебя правильно.

– Товарищи, не надо ссориться, – прервал Микоян уже открывшего рот для ответа Хрущева. – Я полагаю, мы все пришли к единому мнению.

Он подошел к столу Маленкова, взял в руки проект резолюции по Игнатьеву.

– «Враги хотели поставить органы МВД над партией и правительством. Задача состоит в том, чтобы органы МВД поставить на службу партии и правительству, взять эти органы под контроль партии.

Враги хотели в преступных целях использовать органы МВД. Задача состоит в том, чтобы устранить всякую возможность повторения подобных преступлений...» Ну что ж, хорошо, вполне подходит. Начало можно оставить. А теперь возьми, Георгий, новый лист бумаги и пиши дальше...

Они возились с протоколом минут двадцать, не меньше. Наконец тот был готов. Маленков положил исписанные листки в свою папку. Лицо его по-прежнему ничего не выражало. Хрущев несколько раз, не удержавшись, поглядывал на него с нескрываемым торжеством. «Что, Георгий? Проиграл?»

В кабинет вошел один из генералов – Маленков не помнил фамилии, знал только, что тот из военного министерства. Подошел к Жукову, козырнул, тихо сказал: «Все благополучно, товарищ маршал». Хрущев услышал, поднял руку – в кабинете, как по команде, замолчали.

– Итак, товарищи, повестка дня исчерпана. Я предлагаю закрыть заседание.

Он повернулся к двери, следом шагнули Булганин и Микоян. Вместо них вошли еще какие-то военные, расселись на стульях вокруг стола, один устроился рядом с председателем Совета Министров, между ним и телефонами...

Гарнизонная гауптвахта. 15 часов

Правительственный ЗИС подкатил к воротам гауптвахты, и те тотчас же, без сигнала, раскрылись. Машина подъехала прямо к дверям. Один из сидевших сзади выкинул на землю небольшой мягкой ковер-кошму, из числа подарков труженников Средней Азии товарищу Сталину.

Пока они сидели в боковой комнатке, Берия успел окончательно прийти в себя и обрести ту знакомую холодную ясность, которая отличала его еще в бытность чекистом на Кавказе. Теперь он смотрел на события со стороны, так, словно бы происходило все это с кем-то другим. Ему было любопытно, как его вывезут из Кремля – не так-то просто пройти со связанным маршалом через посты охраны МВД. Но чекистов он не увидел. На всех точках, которые попадались на пути, были военные. Силой охрану сменить не могли, стрельба поднялась бы на пол-Кремля. Значит, кто-то предал. Кто-то из замов, сославшись на его приказ, заменил охрану. Кто – нет смысла выяснять. Это не та информация, которую он должен передать оставшимся на воле. И так узнать проще простого: кто сделает карьеру при новом режиме, тот и предатель.

Охрану на выезде, по всей вероятности, сменить не удалось – потому что, несмотря на затемненные стекла, его пихнули на пол между сиденьями, да еще и закрыли сверху ковром. Ехали недолго. Вскоре дверцы машины отворились, его выволокли наружу и быстро повели куда-то по темным переходам, вниз, вниз, в подвал.

– Наручники бы надо снять, – услышал Берия за спиной. – Если с мертвого снимать, перепачкаемся...

Убрали наручники. Москаленко толкнул его пистолетом в спину:

– К стенке!

Вот и все! Дурак ты, Лаврентий, надо было отбиваться там, в кремлевском кабинете, а теперь не та расстановка сил, теперь ты уже никого с собой не возьмешь. Перемудрил, да...

Он стал к стенке, повернулся лицом к военным. Москаленко и Батицкий вытащили пистолеты, за их спинами маячили два незнакомых полковника. Лампочка, висящая на голом шнуре, светила Лаврентию прямо в глаза, но она слепила и палачей. Любопытно, а ведь совсем не страшно, одна лишь усталость и пустота внутри. Чтобы хоть за что-то зацепиться взглядом, он разглядывал лица генералов. Зачем сняли наручники? Ах да, им же надо оправдаться. Значит, это будет «при попытке к сопротивлению».

– Лицом к стене! – внезапно закричал Москаленко. – Повернись к стене, сукин сын!

Берия даже не шелохнулся.

– Поверните его!

Батицкий и один из полковников шагнули было вперед. Берия сжал кулаки и снова расправил пальцы. Соппротивление так соппротивление. Военные остановились.

– Кирилл, что за фокусы? – поморщился Батицкий. – Стреляй, наконец!

– Сам стреляй! – зло рявкнул Москаленко.

– Ну уж нет, так мы не договаривались.

– Как так?

– Насчет исполнения преступных приказов...

Москаленко быстро взглянул на полковников – один из них отвернулся, другой отрицательно покачал головой. Он яростно выругался и выстрелил – промахнулся, пуля ударила в стенку. Берия вздрогнул, но тут же справился, поднял голову и презрительно усмехнулся, почувствовал, что гримаса, исказившая лицо, на усмешку походит мало – будем хотя бы надеяться, презрения в ней достаточно. А вот теперь стало страшно. Нельзя показывать страх, надо продержаться, всего-то несколько секунд, во второй раз он попадет, должен попасть...

Однако Москаленко, выругавшись еще раз, опустил оружие.

– Я тоже в палачи не нанимался. Надо Никите, пусть сам его и кончает. Отведите в камеру.

...Снова вверх по лестнице, коридор, еще лестница. Наконец открыли дверь одной из камер. Помещение – пенальчик метра два на три, стол, стул да подвесная койка, окна не видно – либо камера ниже уровня земли, либо закрыли снаружи щитом. Он усмехнулся про себя, вспомнив легенды о «подвалах НКВД». А теперь добро пожаловать в подвалы МВО. Все при всем, даже «глазок» в дверях есть...

А вот тюремного режима вояки не знают – ушли и свет погасили. А если заключенный в темноте покончит с собой? Повесится или вскрыет вены? Его даже не обыскали как следует, запасное пенсне так и лежит в нагрудном кармане, и ремень тоже оставили, тюремщики хреновы...

Берия ощупью добрался до койки, присел, ухватившись внезапно задрожавшими руками за край, расстегнул душивший ворот рубашки. Плевать, пусть трясет, теперь можно, никто не видит. Он сидел, пока не успокоился, потом лег, вытянулся, заложил руки за голову. Надо же, какие простые вещи доставляют удовольствие после того, как заглянешь в глаза смерти!

Теперь можно и подумать, ничто не отвлекает, даже свет. А вот и не хреновы тюремщики, Лаврентий. Совсем даже нет. Они очень хорошо знают, что делают. Они как раз и рассчитывают, что ты покончишь с собой. Еще с 30-х годов установилось: самоубийство – признание вины. Все это чушь, конечно, ничто не мешает им привести кого-нибудь покрепче, чем генералы, убить тебя в камере и заявить: вот, дескать, гад Берия повесился из-за грехов своих тяжких. Ладно, пусть так. Но сам ты им этого удовольствия не доставишь. Потому что ты должен понять, что произошло, понять и передать на волю, хотя бы через Георгия. Вытащить его Маленков не сможет, не дадут, но увидеться, будем надеяться, удастся. А те, кто надо, в любом случае на него выйдут, не сейчас, так через полгода, через год... Но это потом, когда погода хоть немного прояснится. А сегодня надо попытаться отдохнуть...

Берия повернулся на бок, закрыл глаза. Кто бы мог подумать, что после такого можно заснуть? Но он заснул, мгновенно и крепко. Ему не мешали ни сырость подземелья, ни жесткая койка, ни неопределенность его положения. Организм понял одно: можно расслабиться. И расслабился...

Лубянка. Кабинет первого заместителя министра внутренних дел. 17 часов 20 минут

– Богдан Захарович! Вы меня слышите?

Богдан Кобулов открыл глаза и непонимающе посмотрел на склонившихся над ним людей, перевел взгляд на руку, перехваченную тугой манжетой тонометра.¹⁵

– В чем дело? – язык едва ворочался, мысли в голове двигались еще хуже, казалось, мозг распух и старается взломать изнутри череп.

– Ну, слава богу, – вздохнул врач, отложил в сторону шприц, взял Кобулова за запястье. – Наташа, измерь-ка еще раз давление.

– Сто двадцать на шестьдесят, – медсестру он не видел, слышал только голос. – Слишком быстро поднимается!

– Ничего, ничего... Сейчас остановится, – главный врач лубянской медсанчасти вытер лоб. – Душно у вас тут. Ну вы нас и напугали, дорогой мой человек...

– Что случилось? – Кобулов попытался приподняться.

– Даже и не думайте! Лежать! Лежать до тех пор, пока мы не разберемся, что с вами было.

– А что со мной было? – по легкому звону в ушах он понял, что давление продолжает подниматься, и больше не делал попыток встать.

– Двадцать минут назад звонит мне ваш секретарь, говорит, мол, примерно полпервого вы собрались отдохнуть, попросили не беспокоить. Он ждал до пяти часов, вы все не выходите. Он решил посмотреть, глядит – вы лежите на диване в комнате отдыха. Стал будить – не просыпаетесь. Вызвал меня. Я пришел – давление семьдесят на сорок, пульс едва прощупывается...

– В комнате отдыха, – нахмурился Богдан.

Он точно помнил, что сидел за столом, беседовал с Игнатьевым. Вспомнить бы еще, о чем... Ерунда какая-то, старые дела... Затем ему вдруг неудержимо захотелось положить голову на стол, а потом... потом он открыл глаза уже здесь. Если ему стало плохо за столом, то кто принес его сюда? Игнатьев? Тогда почему он не вызвал врача? Или это какой-то провал в памяти?

– Юра, – спросил он секретаря, – вы помните, как я просил не беспокоить меня? Совершенно из головы вон...

– Лично вы меня не просили, – тут же отозвался капитан. – Товарищ Игнатьев вышел от вас, он и передал мне...

Игнатьев... Пришли Серов с Игнатьевым, Серов принес боржоми из буфета, холодный... Они разговаривали, и он пил воду... Может быть, из-за нее?

– Юра, посмотрите, там на столе должна быть бутылка с боржоми...

Секретарь вышел, и через полминуты послышался его бодрый голос:

– Никакой бутылки здесь нет. Я вам простой воды, из графина, принесу...

Ерунда какая-то... Как же трудно думать... Почему пришел Серов? Он сам позвонил Серову, после того как сообщили, что обстреляли дом Лаврентия. Потом тот пришел и принес эту бутылку... Богдан рывком поднялся, его качнуло в сторону, но он все же устоял, лишь навалился на спинку дивана, нетерпеливым жестом обрывая протестующий возглас врача.

– Юра! Свяжись с товарищем Берия. Слышишь?

– Он все еще на президиуме ЦК, Богдан Захарович, на связь не выходил.

– Вызови его оттуда... Не надо... Я сам... Помоги...

¹⁵ Тонومتر – аппарат для измерения давления.

Цепляясь за плечо капитана, Кобулов прошел к столу, уселся в свое огромное – по фигуре – кресло. Набрал номер секретариата Маленкова, попросил вызвать Берию.

– Лаврентий Павлович уже уехал, – отозвался неизменный Суханов, маленковский секретарь. – Президиум закончился.

– Давно?

– Часа два, не меньше. Все разошлись, Георгий Максимилианович тоже ушел. Сегодня у него нет приема...

Следующий звонок – секретарю Берии, тоже не принес результатов. Министр все еще был вне связи. Борясь с подступающей тревогой, Кобулов позвонил ему домой – никто не ответил. Он слушал гудки и понимал: что-то случилось. С двенадцати часов Лаврентия никто не слышал – ладно, всякое может быть, – но куда делась охрана, которая должна находиться в доме круглосуточно? Испорчен телефон? Он позвонил на дачу – ответил незнакомый голос. Богдан попросил позвать Нину Теймуразовну. Человек, на мгновение запнувшись, ответил, что ее нет. Где она? Гуляет. А Марфа? Тоже гуляет... Кто он такой? Начальник охраны, капитан Павлов.

Кобулов опустил трубку. Никакого Павлова там нет, он поименно знает всех охранников. Может быть, все объясняется просто. А может быть, и непросто... Нет уж, лучше перебить, чем недобдеть... Он взял трубку городского телефона и набрал еще один номер.

– Алло! – отозвались на том конце.

– Это я... – сказал Кобулов.

– Кто «я»?

– Богдан.

– Какой Богдан? – хмыкнула невидимая собеседница. – Пить меньше надо, Богдан.

– Я пью только воду.

– Огненную, – уточнили на том конце.

– Больше люблю ледяную...

– Тогда закусывай получше. Чтоб руки не тряслись, когда номер набираешь...

Трубка коротко и зло запикала. Кобулов положил ее на рычаг. Разговор с этой вроде бы случайной собеседницей на самом деле был условным сигналом тревоги. По этому сигналу сегодня же вечером несколько десятков человек уничтожат все, что могло бы их скомпрометировать, перейдут на особый режим и будут готовы к любым неожиданностям. В конце концов, если тревога ложная, отменить ее никогда не поздно. Теперь позвонить Судоплатову и Масленникову...¹⁶

Ни того, ни другого на месте не оказалось. Кобулов попросил срочно их разыскать и оперся головой на руки: сидеть было трудно.

– Богдан Захарович, – врач тряс его за плечо, – я настаиваю, я требую, немедленно в больницу. Сейчас я вызову санитарный транспорт...

Кобулов молча отвел его руку, прислушиваясь к шуму и шагам в приемной. В кабинет, отодвинув секретаря, вошли Серов и несколько военных. Один, в прокурорской форме, подошел к столу.

– Кобулов Богдан Захарович?

– Да, – поднял он голову.

– Вы арестованы. Пройдемте с нами...

¹⁶ И. И. Масленников – заместитель министра внутренних дел, командующий внутренними войсками МВД.

Глава 2

Большие прятки

Выспался он превосходно, несмотря на холод, сырость и вонь от параши. Проснувшись, долго искал на ощупь в темноте означенную емкость, потом снова улегся. В спине, глубоко внутри, зародилась тянущая боль. Ох, черт, как не вовремя! Если его скрутит все-ррез, то держаться, как подобает мужчине, будет очень трудно. Он перевернулся на живот, опустил голову на скрещенные руки. А вот теперь поразмыслим. Еще в Грузии, в меньше-вистской тюрьме, он услышал от одного из соседей по камере странную фразу: «В тюрьме быстрое время». Казалось бы, какая чушь – время здесь тянется и тянется бесконечно. Но на самом деле оно и вправду быстрое – все надо делать сразу, потому что не знаешь, когда за тобой придут.

Хотелось есть, а особенно сильно – пить. Значит, немало времени прошло. Что там на дворе – ночь, утро? Часы не отобрали, но толку от них – в камере темно, как в могиле. Хорошие сравнения в голову лезут! Главное, правильные. Ты только не обольщайся насчет своей судьбы, Лаврентий. Если Москаленко оказался слаб на расстрелы, найдут другого, это вопрос времени. Ты – покойник, пойми это и смирись. То, что есть хочется, еще ничего не значит. Это иллюзия, обман чувств. И нечего терять время на нелепые надежды. Лучше думай. Думай, пока за тобой не пришли, вдруг пригодится...

Легко сказать, думай! Пока слова не были произнесены, за их невысказанностью можно было спрятаться, как ребенок прячется под одеялом. В любом человеке перед лицом неизбежного просыпается такой вот ребенок – не видеть, не слышать, не понимать... А может быть, в сегодняшний день протянулся шок от происшедшего вчера. Но теперь, когда все было названо, он сразу увидел свое положение как оно есть. Осознание конца было внезапным и острым, оно выкачало воздух из камеры, электрическим током прошло по каждому нерву. Потрясение было настолько пронзительным, что Берия коротко вскрикнул и тут же закусил зубами ладонь: те, за дверью, могут услышать. Умри на месте, но этого они слышать не должны.

А тут еще память услужливо взвихрила перед глазами любимые лица. Нина, Серго, девочки, Этери... Тбилиси, по улицам которого он больше никогда не пройдет... Мандариновые деревья, ветвей которых больше никогда не коснется... Ни-ког-да! Все кончено, Лаврентий. Все, что тебе осталось, это камера, допросы, пытки и пуля в конце.

Он ударился лбом о край койки, отгоняя видения. Ты покойник, понял?! Покойнику не о чем помнить, для него уже ничего никогда не будет. Все это осталось там, за крышкой гроба, а здесь нет ни семьи, ни широких улиц, ни мандариновых деревьев. Ты умер для всего этого, и все это умерло для тебя. Сверхчеловеческим усилием воли он выдавливал из памяти любимые лица, город, дома, которые он строил. Дольше всех держался мандариновый сад, но и он тоже начал гаснуть, стираться в памяти, пока и его не скрыла карцерная тьма. Все! Лаврентий Берия к своему последнему бою готов!

...Итак, государственный переворот, о котором так много говорили большевики, совершился. Причем совершился тогда, когда его менее всего можно было ожидать. В тридцать четвертом воздух был прямо-таки насыщен электричеством, в тридцать седьмом еще хуже – молнии били со всех сторон, однако переворота не произошло. Потом оппозицию и заговорщиков задавили, рвущихся к власти регионалов перестреляли. Те, которые поднялись после войны, – это уже, как говорят в России, труба пониже и дым пожиже. Кто бы мог ожидать, что *эти* окажутся способны...

Не стоит обольщаться присутствием генералов, без помощников из ЦК вояки не смогли бы ничего. Они и в тридцать седьмом, как овцы, позволяли себя резать, и в сорок восьмом ни один даже не рыпнулся. Не-ет, брали его генералы, но рулили ими партийцы. Вот теперь и подумаем – спокойненько, без нервов, не сжимая кулаки... не сжимая кулаки, я тебе сказал! Подумаем: *кто!*

Никита – да, конечно... Никита на поверхности, он выставлен на всеобщее обозрение, и он мог... Он оттуда, из тридцать седьмого, единственный уцелевший из «верных ленинцев», этих кровью умытых зверей. Как прикидывался, какая маскировка у него была! Его даже Сталин дурачком считал, клоуном, жестоким, плохо управляемым, но надежным. Вот тебе и надежный... А ведь Молотов не раз говорил: «Берегись Никиты, он далеко не так прост, как хочет казаться». Он и берегся, старался наладить отношения – но, выходит, недооценил хохла, недооценил...

Да, но с чего «главный партиец» вдруг так взвился, словно скорпион его за яйцо укусил? Все ведь было спокойно, обо всем договорились, партии осталось почетное место и жирный кусок пирога, а к большому они и сами не рвались, дураков нет – взваливать на себя страну накануне реформ. Тем более что после рокового марта Берия свято соблюдал демаркационную линию, которую они установили еще со Сталиным, когда этой зимой договаривались с партийцами о разделе влияния. Равновесие партии и государства, равновесие партийных группировок, равновесие во всем... Выходит, где-то он не удержался на канате? Нет, все было спокойно, работали конструктивно, если и сцеплялись, то по мелким вопросам, ради которых не станут устраивать государственный переворот, не те это ставки для такой игры. Что же случилось, Лаврентий? Где, в чем ты ошибся?

Лежа на животе, плохо думается, мысли кружатся вихрем. Он вновь перевернулся на спину, заложив руки за голову, и сразу стало спокойней. Мысль снова была острейшим ножом, который резал реальность, обнажая скрытые кости и связки. Он перебрал все, что делал за эти три с половиной месяца, и теперь уже точно сказал себе: не ошибался, не было такого. Все члены нового Политбюро соблюдали демаркационную линию так же строго, как и он сам. Значит, дело в чем-то другом.

Личные амбиции? После того как Маленков весной ушел из секретарей, Хрущев стал фактически первым в партии, чего ему еще хотеть? Неужели сорвался с тормозов и захотел всего? До такой степени возжелал всего и сразу, что ради этого готов был жизнь свою поставить на карту?

В том-то и дело, незачем ему было так рисковать. Даже если и захотел Хрущев всей власти, у большевиков есть простые и традиционные методы. Партия по-прежнему рулит кадровой политикой, так чего проще: дождаться, пока противник ошибется или же организовать провокацию, снять с поста, потом можно и расстрелять, если надо, но лишь потом... А он устроил переворот, подобного которому в России не было со времен убийства Павла Первого. Не тот стиль, Никита не станет *так* бороться за власть. А вот если наступить ему на хвост – да, он будет действовать именно так, грубо и прямолинейно, сперва стрелять, а потом думать... Вот это и примем за версию: кто-то наступил ему на хвост, причем наступил крепко – так крепко, что заставил жизнью рискнуть.

Реальная опасность ему не грозила – в МВД ни по одному из дел имя Хрущева даже не проходит, а Берия очень постарался, чтобы в ЦК знали, что творится в следчасти и в секретно-политическом отделе. Стало быть, одно из двух. Или Хрущев – гений конспирации и реально стоял во главе заговора... определенная вероятность такого сценария существует, процентов пять—десять сюда можно кинуть, – или же его шантажировали. Чем именно шантажировали, какие темные дела могут числиться за Никитой – сейчас остается только на кофейной гуще гадать, но кофе арестованным не положено.

Вопрос второй: кто настолько силен, чтобы шантажировать Хрущева? Скорее всего, этот «кто-то» из тех, с кем они вот уже много лет встречаются на Политбюро. Против персоны меньшего уровня Никита нашел бы средство. И сюда примыкает вопрос третий: какое обстоятельство приперло к стенке шантажиста?

Кто бы это ни был, но уж явно не Булганин. Подыграть Хрущеву вторым номером он может, даже рискнув при этом жизнью, но на самостоятельную роль не способен... Ворошилов, Сабуров, Первухин? Нет, это фигуры не значимые, ни сталинский маршал, ни эти два капитана промышленности тут наверняка ни при чем. Каганович? У Лазаря нет никаких особых интересов, одни амбиции – вернули его к власти, он и доволен. Остаются два ветерана Политбюро, два «сталинца» – Молотов и Микоян.

Он вспомнил бесстрастное лицо Молотова. В сорок девятом, после того как Израиль откочнул к американцам, Сталин отставил его от государственных дел. Он сказал тогда во всеуслышание: «Вячеслав человек верный, но слишком жену любит и во всем с ней советуется. А Полина, как оказалось, сначала еврейка, а уж потом советский человек. Мы не можем допустить, чтобы министром иностранных дел был товарищ, чья жена запросто ездит на чай к иностранным послам».¹⁷

И заменил Молотова Вышинским, который и без того был «серым кардиналом» в МИДе, а теперь стал и явным руководителем. Молотов тогда сам поддержал это назначение – он-то отлично знал, дело не в Полине, дело совсем в другом. Не только Сталин не мог больше полагаться на Молотова, но и сам Вячеслав Михайлович не хотел быть причастным к новой сталинской внешней политике. Однако выступать против нее не стал, предпочел отойти в сторону.

Возвращение Молотова на пост министра иностранных дел стало одним из условий «партийной» стороны, неожиданно выставленным ею после смерти Сталина. Вот и вопрос: Вячеслав Михайлович с ними, или же его выдвинули, чтобы сбросить Вышинского, а сам он занимает позицию мудрой обезьяны, которая сидит на дереве и смотрит, как под ним дерутся тигры? Быть на партийной стороне еще не значит участвовать в перевороте. Ловить ему при новой власти нечего, нынешнее положение для Молотова – предел. С Берией у него нет серьезных счетов, а главное, у него нет серьезной мотивации нарушать сложившееся равновесие партии и государства. Он-то понимает, чем обернется для Советского Союза власть КПСС. Нет, Молотов может пойти против Вышинского, против Берии – но против страны он не пойдет. Если, конечно, его самого не держат на крючке.

Вот мы и подошли к той возможности, которая все увязывает: это была спецоперация чьей-то разведки. Ясно чьей – американцам новая советская политика как кость поперек горла. А убрать Берию – значит убрать и эту политику: Георгий один не справится. Это интерес очень серьезный.

Возможно ли это? Вполне! Немцы в тридцать седьмом, держа на крючке Ежова, провели блестящую операцию, пристроив в хвост заговора Тухачевского тысячи невинных военных. Так почему бы американцам не сделать что-то подобное теперь, если у них в руках кто-либо из членов Политбюро? Возможно, это и Молотов – вдруг Вячеслав Михайлович любит жену куда больше, чем они думали, и американцы через сионистов и Полину добрались и до него? Поэтому нельзя сбрасывать его со счетов, тем более что еще одним партийным условием было возвращение из ссылки Жемчужиной...

А Микоян, двадцать седьмой бакинский комиссар? Вечный центрист, миротворец, всегда против любых крайних действий. Или это маскировка, и Анастас тоже не так прост? То

¹⁷ Полина Жемчужина поддерживала дружеские отношения с Голдой Меир, послом Израиля в СССР. В декабре 1948 г. она была исключена из партии «за связь с еврейскими националистами», в январе 1949 г. арестована, в декабре 1949 г. осуждена Особым Совещанием на пять лет ссылки в Казахстан.

есть он всегда был непрост, но если за этой непростотой прячется нечто большее, чем аппаратные интриги? Интересно, а почему двадцать шесть комиссаров англичане расстреляли, а двадцать седьмого не тронули? Да, конечно, формальное объяснение он знает: никакого следствия не велось, на расстрел людей отбирали по случайному, найденному у старосты камеры списку. Ну а вдруг это не так? Вдруг все это лишь маскировка для оставшегося на свободе агента? Для перспективного агента еще и не то сделают. Итак, если это Микоян, то за ним, скорее всего, стоят англичане.

А кстати, и Хрущев тоже... Как он мог забыть? Его сын Леонид, пропавший без вести во время войны, – он ведь так и не нашелся. И смерти его никто не видел, хотя особисты в том районе землю носом перепахали. А если он все же попал в плен и после войны в качестве трофея достался победителям? Американцы профильтровали все лагеря для военнопленных, отбирая тех, кто может им пригодиться, а уж сколько немецких разведчиков досталось им по наследству... Нет, нельзя сбрасывать со счетов и этот вариант: Леонид Хрущев жив и сейчас у американцев. Отца своего он знает хорошо, и те наверняка сумели вытрясти из сыночка особенности неповторимой папиной личности, а потом подослать умного вербовщика с письмецом от сына.

Итак, три варианта: Молотов – Израиль, США; Микоян – англичане; Хрущев – англичане или американцы. Впрочем, Молотов или Микоян, Израиль, США или Англия, все одно – североатлантический блок. И то, что произошло, однозначно в их интересах.

Значит, голую драку за власть мы пока исключим – для нее нет предпосылок. Личные амбиции тоже – от устранения Берии никто особо не выигрывает. Предположим, за заговорщиками на самом деле стоит иностранная разведка. У американцев спецслужбы слабые, но они вывезли из Германии множество специалистов тайной войны, ни один по-настоящему серьезный человек под суд не попал, растворились, как сахар в кипятке. А уж англичан точно не надо учить устраивать перевороты...

Берия усмехнулся. Как ни странно, тут одна надежда – на то, что Никита такой, какой он есть. Даже если сейчас им вертит чужая разведка, то, оказавшись на посту главы государства, – а что он окажется на этом посту, нет ни малейшего сомнения, – вполне может случиться, что Хрущев забудет все свои обязательства, как забыл их Ленин. И если он проведет экономическую реформу... А вот реформу он не проведет. Во-первых, мозгов не хватит. Во-вторых, не дадут. Теоретики из ЦК не дадут, ни один из оставшихся в Политбюро с ними не справится, да еще и Молотов наверняка выступит на их стороне. А еще ни один из оставшихся не сможет обуздать аппетиты привыкшего к безмерному финансированию оборонного комплекса. И в итоге оборонка сожрет все.

Ладно, об этом думать бессмысленно. Не отвлекайся, Лаврентий. Я понимаю, тебе хочется размышлять об экономике, но сейчас ты чекист. Итак, а что привязывает к перевороту военных? Москаленко и его ПВО – они из хрущевской команды, а команда у Никиты спаянная, тут надо отдать ему должное. Интересно, какие неземные блага пообещал своим дружкам Хрущев? А Жуков и его люди, эти почему с ними? Ну, станет Жуков вместо заместителя министра обороны министром – ну и что? Это не мотив. А какой у него может быть мотив?

Так, думаем. Если он рассчитывает провести собственный переворот, то Хрущев для этого Жукову не нужен. При Никите маршалу легче не станет, наоборот, этот власть будет держать мертвой хваткой. Нет, если Жуков решил повторить путь Тухачевского, участие в хрущевском перевороте ему невыгодно. Тогда что?

Кто-то сказал: «Любовь и голод правят миром». Нет, это не все. Любовь, голод, власть и страх. Первые три пункта можно исключить, остается четвертый.

После 1945 года страх прочно поселился в военной среде. Сталин, заявивший, что победителей можно и нужно судить, вознамерился всерьез разобраться со всем происходив-

шим во время войны. А происходило тогда много всякого. И смертную казнь в 1950 году восстанавливали не только ради «ленинградцев», но и под предполагаемые «процессы военных», которые Абакумов¹⁸ готовил начиная с 1945 года. Берия только начал разбираться с «делом Абакумова» – не успел, а теперь Виктора добьют, живым его не оставят. Вот кто действительно слишком много знает!

Когда они делили власть этой зимой, партийцы потребовали всеобщего отпущения грехов: поставить точку на всех военных и послевоенных делах. Сталин согласился выдать индульгенции за все, кроме прямой работы на немцев. На «маршале Победы» лежит личная ответственность за трагедию июня сорок первого, но за это Жукова никто никогда к ответу не тянул. Неужели правы те, кто утверждал, будто Жуков и Тимошенко тоже были в числе заговорщиков и сознательно подставили наши войска под разгром? Если это верно, то у такого дела не может быть ни срока давности, ни «отпущения грехов». Или же маршал попросту сводит счеты за все обиды, реальные и мнимые?

Хватит, Лаврентий, тебя уже заносит в область беспочвенных фантазий. Опасное это дело. Итак, предварительный анализ можно считать выполненным. Надо же – никогда он не любил чекистской работы, а заканчивать трудовую биографию приходится именно ей, проводить последнее в своей жизни расследование. Другое дело, неясно, удастся ли сообщить результаты на волю... Ладно, об этом думать не время, как говорил товарищ Сталин, будем решать вопросы в порядке их возникновения. Главное – не суетиться, не бежать впереди паровоза. И еще – смирить свой нрав. Что бы ни происходило, он не должен терять над собой контроль. Он теперь снайпер, который ловит каждое движение врага.

Берия, устав лежать в одной позе на жесткой койке, повернулся на бок и принялся продумывать все с самого начала. Может быть, он что-то упустил?

Кремль. Кабинет Хрущева. 27 июня. 8 часов

...Спали урывками, между делом, не выходя из кабинетов. За первые сутки после переворота, пока никто не опомнился, надо было прочно взять государственные рычаги. Армия в их руках, Серов и люди Игнатьева сумели нейтрализовать МВД. Если бы о судьбе Берии было что-нибудь известно, то еще неясно, как бы все обернулось, однако тут следы замели надежно. О том, где находится захваченный министр, никто не знал, а военные еще и благоразумно пустили слухок, что он убит сразу после ареста. Единственного по-настоящему опасного человека, Богдана Кобулова, взяли в тот же день, лишённые руководителя чекисты сникли, растерялись и были безопасны.

К восьми утра стало ясно, что операция в целом удалась. Теперь Хрущев, в который уже раз за последние сутки, беседовал с Серовым и Игнатьевым. Они решали судьбу людей из МВД, намечали тех, кого следует взять в ближайшее время, с кем можно погодить. Тех чекистов, которые находятся в Москве, Серов удержит, а вот с украинцами надо решать немедленно, высылать в Киев бригаду. У Мешика хватит запала и команду ликвидаторов в Москву отправить. И за лихими ребятами из хозяйства Судоплатова надо присмотреть, мало ли что...

– Как ты думаешь, Иван, кто из твоих дружков опасен, а с кем можно подождать?

Серов, бледный и бесстрастный, называл имена. Да, конечно, всю бериевскую команду надо убирать. В первую очередь тех, кто сейчас в МВД. Полностью подобрать его людей,

¹⁸ Виктор Абакумов был сначала руководителем особых отделов, а потом СМЕРШа – военной контрразведки. И тот факт, что в 1946 году Сталин поставил его на пост министра госбезопасности, мог означать только одно – вождем действительно всерьез собирался разобраться с тем, что происходило во время войны. В 1951 году, когда министром госбезопасности стал партийный ставленник Игнатьев, Абакумов был, под неясным пока предлогом, арестован и в 1954 году, уже после хрущевского переворота, расстрелян.

которые работали в ГУСИМЗ, – он, Серов, тоже думает, это была негласная разведка Сталина, снабжавшая вождя информацией обо всем происходящем с нашими людьми за границей.

Игнатъев примолк, что-то соображая, потом осторожно спросил:

– Никита... А Берия жив?

– А тебе какое дело? – насторожился Хрущев.

– Видишь ли, есть кое-что такое, что знает только он. Сразу после смерти Сталина Берия захватил его архив. Хитро сработал: на следующий же день с дачи вывезли всю мебель. Потом ее вернули обратно, но уже без бумаг. Кроме того, поговаривают, у него самого тоже есть какой-то секретный архив.

– Ну и где он все это держит? – встревоженно спросил Хрущев. – Ваня, ты не знаешь?

– Не знаю, – качнул головой Серов. – И никто не знает. Мебель была на каком-то складе, практически без охраны, туда мог прийти кто угодно и когда угодно. А про бериевский секретный ящик вообще только слухи ходят.

– Может быть, кто-то из МВД в курсе? – поинтересовался Игнатъев.

– Едва ли. Не станет Берия никому из нас такие важные тайны доверять. Если кто что и знает, так это люди из его прежней, грузинской команды, в первую очередь Кобулов и Меркулов.

– Меркулова сегодня же берем! – воскликнул Хрущев.

Серов задумался на несколько секунд.

– Я бы не стал этого делать. Он человек упрямый и опытный, он любого следователя переиграет. А третью степень¹⁹ к нему применять нельзя, он недавно после инфаркта, помрет на допросе. Лучше установить наблюдение, поставить квартиру на прослушку и подождать, посмотреть, с кем у него будут контакты. Может, и приведут нас эти товарищи к архиву.

– Какие еще товарищи? – нахмурился Хрущев.

– Говорят, у Берии есть своя разведка, ни по каким документам не проведенная. Если она существует, то вот эти знают все...

– А ты как думаешь, на самом деле есть такая разведка? – заинтересованно спросил Хрущев.

– Думаю, есть. Если бы я был министром, точно бы ее завел. Уж очень много у нас в ГБ чужих глаз и ушей...

– Ладно, Ваня, – поднимаясь, проговорил первый секретарь. – Нет ничего тайного, что не стало бы явным. Нашего друга Меркулова распорядись взять под опеку, да поплотнее. А ты, Семен Денисович, пошарь по тюрьмам, возьми оттуда ребят из своего старого аппарата и как следует расспроси Богдана²⁰ – они будут рады возобновить знакомство. А пока давай, Семен, сюда нашу заветную...

Игнатъев скрылся в комнате отдыха и через минуту появился оттуда вместе с Москаленко. Судя по виду генерала, его только что разбудили. Они несли бутылку французского коньяка, четыре стопки и закуски. Когда коньяк был разлит, Хрущев помолчал несколько секунд, проникаясь торжественностью момента.

– Два года я ее, голубушку, берег для особо важного случая. Вот и дождалась бутылочка. Дело сделано, теперь можно и выпить!

Москаленко хмыкнул про себя. Все же умен Никита Сергеевич, ничего не скажешь. Как он Серова обхаживает! А Ванька-то уже меньше морщится. Завтра, глядишь, и улыбаться

¹⁹ Допрос третьей (в отдельных случаях четвертой) степени – допрос с применением мер жесткого психологического давления и физического воздействия.

²⁰ Игнатъев, придя в МВД, ввел применение пыток. Берия, став министром, пытки запретил и приказал начать уголовные дела против использовавших незаконные методы следователей. Приказ готовил и проводил в жизнь Богдан Кобулов. Так что у арестованных игнатъевских костоломов были с ним немалые личные счёты.

начнет, а там и вовсе своим человеком станет. Умеет Никита в душу влезть, ничего не скажешь, умеет... вот только мало кто знает, как страшно иметь его своим врагом. Даже просто ему не угодить...

Он поежился, вспомнив, какая гроза бушевала в этом кабинете вчера вечером, когда он доложил, что убить Берию не удалось. Так на него давно не орали. Москаленко сначала слушал молча, потом начал закипать. Наконец швырнул на стол пистолет и тоже закричал:

– Иди и стреляй сам, ... твою мать! Я к тебе в палачи не нанимался!

– Ладно, Кирилл, – нет, положительно невозможно привыкнуть к этим мгновенным переходам от самой разнузданной ярости к абсолютному спокойствию. – Ладно, успокойся. Признаю, погорячился... Но и ты пойми меня. Как теперь быть? Одно дело – застрелить при аресте, и совсем другое... Ладно, не журишь, как-нибудь выкрутимся...

...А вот теперь, услышав про архивы, Хрущев глубоко задумался. Они уже выпили за успех, Серов, получив дальнейшие инструкции, удалился, а Хрущев все еще о чем-то размышлял. Наконец подошел к Москаленко и хлопнул его по плечу:

– Прости, Кирилл, за вчерашнее. По всему выходит, оплошность твоя обернулась не к худу, а к добру. Лаврентий слишком много знает, чтобы так просто умереть...

Москва. Лялин переулок. Квартира писателя Ситникова. 11 часов дня

Лялин переулок – тихое место. Здесь почти нет машин, высокие дома теснятся по обеим сторонам узкой улочки. В одном из этих домов, в двухкомнатной квартире с огромными пятиметровыми потолками, жил Николай Ситников, член Союза писателей, автор нескольких романов об американских шпионах. В 1948-м он даже чуть-чуть не дотянул до Сталинской премии. Однако премию ему почему-то не дали, хотя Союз писателей был «за» и обстановка располагала. Но Сталин высказался против, и вождя привычно послушали. Ситников уверял, что нисколько не обижен, ему никто не верил, и всего два человека в Москве знали: за несколько дней до того к нему пришел Берия и предупредил – премии он не получит.

– Ты не должен быть слишком на виду, – сказал он тогда. – И ты должен быть обиженным Сталиным. Говори, мол, вождю виднее, но пусть твой голос дрожит от обиды, и от тебя пахнет коньяком.

– Тогда уж водкой, – поправил Николай.

– Тебе видней, – согласился Берия. – Мне нельзя ни того ни другого.

С тех пор Ситников несколько опустил, начал основательно пить и вместо политических романов стал писать низкопробные детективы. В Союзе писателей его жалели как неудачника и всерьез не воспринимали. Что и требовалось получить в результате.

Ни один из друзей дома не рискнул бы заявиться к Николаю раньше четырех-пяти часов вечера – всем было известно, что он работает по ночам и, пока не выпится и не опохмелится, малоуправляем. Поэтому сейчас, в полдень, неожиданных визитеров не предвиделось. Это устраивало человека, который сидел у стола в гостиной, пил стакан за стаканом крепчайший чай, напряженно думал о чем-то, изучая узоры на скатерти, и время от времени перекидывался с хозяином дома короткими фразами. На вид ему было лет сорок пять – пятьдесят: поджарый, русоволосый, хорошо вылепленное волевое лицо чуть-чуть смазывают небольшие усики. Такому в самый раз играть в кино советских разведчиков, над чем его товарищи постоянно подшучивали: мол, внешнее сходство с киногероем – лучшая маскировка.

Однако сейчас и хозяину, и гостю явно было не до шуток. У обоих мрачные, серые лица и покрасневшие глаза – следы волнения и бессонной ночи.

Наконец в дверь позвонили. Николай кинулся открывать.

Вошел майор МВД, средних лет, сутулый и бледный. Человек, сидевший у стола, поднял голову.

– Ну? – быстро спросил он. – Видел Рената?

– Видел. Ничего узнать не удалось, – сказал майор. – Ходят слухи, что убили, но толком никто не знает. Его посадили в правительственный ЗИС и вывезли из Кремля. Дальше следы теряются.

– С шофером говорили?

– Это личный шофер Булганина. Он пока на службе, освободится только поздним вечером, если освободится вообще. Везли генералы Москаленко и Батицкий и два полковника, но эти, само собой, ничего не скажут.

– В самом деле? – усмехнулся уголком рта человек у стола.

– Вы даете санкцию на особые методы, товарищ генерал?

– Даю на любые, хоть кишки из живых вынимайте! Мы должны знать, что с ним. Так и передай Ренату.

– Мы что-то можем? – с надеждой спросил Ситников.

– Трудно сказать, – поморщился тот, кого называли генералом. – Скорее всего, ничего. Некем взять. Мы же контрразведка, а не ликвидаторы. Сколько раз я говорил, нам нужна своя спецгруппа, – а Лаврентий всегда отвечал: «Пользуйтесь людьми Судоплатова, он в курсе». Вот и воспользовались... Кроме того, он категорически запретил бы нам любые действия. Слишком много риска.

– Вы его слушаете? – тихо спросил майор.

– Не уверен... Совсем не уверен... – ответил генерал и снова замолчал, внимательно разглядывая узоры на скатерти.

27 июня 1953 года. Кабинет Хрущева. 11 часов 45 минут

Теперь, к полудню 27 июня, первый, организационный этап был пройден. Пришла пора начинать второй, политический – объяснять партии и стране, что, собственно, произошло. Версия, которую они придумали впопыхах – о бериевском заговоре, – конечно, хороша, но недостаточна. Если все строить только на ней, то малейшая утечка информации из МВД или прокуратуры о том, что никакого «заговора Берии» не существует, опрокидывает все. На страну в данной ситуации можно плюнуть и растереть – быдло побухтит и успокоится, – однако партию проигнорировать не удастся. То, что придется собирать пленум, ясно было с самого начала. Но ведь трудно сказать, кого в ЦК больше – сторонников Берии и Маленкова или хрущевцев, – и при неудачном повороте можно очень легко и просто лишиться власти, а затем и свободы, и жизни.

Об этом и шел разговор между Хрущевым и тихим, незаметным человеком типично канцелярской внешности, в очках и с оттопыренными ушами. Однако внешность обманчива. Секретарь ЦК КПСС товарищ Пospelов обладал хорошим интеллектом и, не в пример своему собеседнику, предпочитал сначала думать, а потом действовать. В отличие от многих других, он не задавал вопросов, в ответ на которые неизбежно услышал бы ложь. Причин переворота он не знал, более того, знать их не хотел и даже о них не задумывался. У него имелись в этом деле свои интересы. Создавшееся положение его устраивало, хотя Берия и не был врагом Петра Николаевича, отнюдь, их пути попросту не пересекались. Обижен он был Сталиным, который в 1949 году убрал его из редакторов «Правды» и перевел на пост директора института Маркса – Ленина: как говорили еще со времен Каменева, которого тоже в свое время «задвинули» на этот же пост – отправил в почетную ссылку. В марте 1953 года Пospelова сделали секретарем ЦК, против чего Берия не протестовал по причине полного

равнодушия к партийным делам. А вот Хрущеву Пospelов был нужен, а значит, следовало ему помочь, не задаваясь лишними вопросами.

– И что вы намерены теперь предпринимать? – выслушав рассказ Хрущева, спросил Петр Николаевич.

– А как ты думаешь, тебя я для чего позвал? – бросил в ответ раздраженный и усталый первый секретарь.²¹ – Чтобы ты придумал, как все объяснить правительству и не сгореть.

– Правительству, Никита Сергеевич, ничего объяснять не надо. Антипартийные сталинские планы еще не успели претвориться в жизнь и глубоко укорениться. И если вы направите движение страны по прежней колее, вернувшись к ленинским нормам управления государством, – ленинским, Никита Сергеевич, не сталинским! – это будет воспринято как нечто абсолютно закономерное. Собирайте Пленум ЦК. А на пленуме заявите, что Берия был врагом партии, хотел партию уничтожить, лишить ее силы и влияния на государственную жизнь, а вы восстановите ленинские нормы, вернув управление государством в партийные руки. Тогда все секретари – ваши.

– Там будут не только секретари, но и министры.

– А их советую вызвать к себе, каждого в отдельности, и поговорить по душам. Не мне вас учить, как это делать. Пообещайте, что в случае разумного поведения никому из них ничего не грозит. С Берией работать было нелегко, наверняка многие имеют к нему претензии, вот на этой струне и сыграйте. Не надо выискивать в его действиях вредительства, пусть просто расскажут, как он их прижимал, унижал, ни во что не ставил. Найдите двух-трех самых обиженных, дайте им слово, и они заведут весь зал. А еще мне недавно сорока на хвосте принесла, будто Берия хотел прижать тяжелую и оборонную промышленность, урезав им финансирование, чем они, естественно, очень недовольны. Вот и пообещайте: партия даст им столько средств, сколько они запросят. Тогда большинство министров тоже будут вашими.

– Ого! Ты представляешь себе их аппетиты? Они сожрут всю страну.

– Чем-то надо жертвовать, Никита Сергеевич. Если вы собрались жертвовать собой – запретить не могу... Вы не о том беспокоитесь. На самом деле я вижу только одну серьезную опасность. Участники пленума могут потребовать предъявить им Берия.

– Ну, это ты загнул! Никогда такого не бывало. Всегда решения об уже арестованных заговорщиках принимали по представлению Политбюро.

– А вы уверены, что Политбюро, как в прежние времена, имеет по этому вопросу единую позицию?

– Никто не возражал, – пожал плечами Хрущев.

– Да – на заседаниях, когда им в спину дышали ваши генералы. А уверены ли вы, Никита Сергеевич, что члены Политбюро довольны вашими действиями? И никто из них не обратится к пленуму с требованием выслушать Берия? И пленум поддержит вас, а не их? Допустим, вы как-нибудь сумеете обуздать Ворошилова и Маленкова. А как вы собираетесь справляться с Молотовым?

Хрущев поднялся, прошелся по кабинету, прижав кулак ко лбу.

– Ох ты, черт! И ведь правда... Так что делать, Петр Николаевич?

– Если Берия жив и члены Политбюро об этом знают, то вы, действительно, попали в трудное положение. Если бы он был мертв, тогда другое дело. В ситуации, когда его смерть – свершившийся факт, у всех у нас общие интересы: сделать все возможное, чтобы не было дестабилизации обстановки в стране. Тогда и Политбюро, и ЦК пойдут за вами, как за наиболее сильной фигурой из оставшихся в строю. Особенно если вы сделаете акцент не на заговорщической роли Берия, а на его антипартийной деятельности – в этой области у нас

²¹ Формально Хрущев в то время еще не являлся первым секретарем, но фактически был главой партии.

у всех общие интересы. Главное – это достичь единства внутри Политбюро. И, надеюсь, не надо вам объяснять, что после пленума власть партии должна быть восстановлена в необходимом объеме.

– А я сам разве не коммунист? Все вернем, как и раньше!

– Вот это как раз было бы ошибкой. Я ведь не сказал «в полном», я сказал «в необходимом объеме». И не более того, Никита Сергеевич. Партии не нужно повторение тридцатых годов. Мы должны не подменять хозяйственных руководителей, а направлять их по верному, ленинскому пути. Нам вовсе нет необходимости заниматься оперативным управлением, как это было раньше, вполне достаточно его контролировать. Мы подготовили хорошие кадры в промышленности и сельском хозяйстве, которые успешно справятся со своим делом и без детального руководства партийных секретарей. Не надо совать нос в каждый цех и на каждое поле, это не пойдет на пользу делу...

Хрущев задумался и вдруг прищелкнул языком и рассмеялся:

– Ну и голова у тебя, Петруша! Их ведь чем Берия брал! Он сперва пытался так наладить, что какое дело он ни делает, по такому секретарь обкома – диспетчер. А когда не получалось, то никаких оргвыводов не требовал, плюнет, рукой махнет и своими силами обойдется. И нашим партийным обломовым это понравилось – честь та же, а работы меньше. Из них половина по одной этой причине за него встать может. А мы им такой подарочек: права как при Ленине, а обязанности как при Берии. Наши будут! Молодец, Петр Николаевич! А что мы можем предъявить Берии еще?

– Антипартийная работа, зазнайство, некоммунистические методы руководства. Вам этого мало? По моральному облику пройдитесь, поищите бытовое разложение.

Хрущев прищелкнул пальцами:

– Для большинства достаточно. Но въедливое меньшинство это не убедит. Если с заговором особо не вылезать, надо придумать такую штуку, которая убила бы Лаврентия на месте. Хотя бы про запас, на случай, если произойдет что-то непредвиденное. Чтобы после того никто и подумать о его защите не мог...

Собеседник первого секретаря глубоко задумался. Прошла минута, другая... Наконец он поднял голову:

– Если дело обстоит так, то можете сыграть кое на чем запретном. Вы, наверное, помните, и весь ЦК помнит об арестах в конце 30-х годов. Когда совершенно невинных людей хватили, пытали, расстреливали. Как вы думаете, многие ли вспомнят, когда это началось и когда закончилось? Я вас уверяю, пятнадцать лет спустя какие-то несколько месяцев никто не заметит.

– Ну я-то замечу!

– Вы – безусловно. Но вы – исключение, один из немногих уцелевших участников, так сказать, процесса. Я вас уверяю, большая часть ЦК заняла высокие посты уже после 1939 года, и они не знают всех подробностей происходившего тогда. Что вам мешает сказать, что террор начал Ежов, а продолжил Берия? И именно Берия был главным палачом нашей партии?

– Мать твою! Это его же кайлом да его по башке!

– Но только осторожней, пожалуйста. Тут надо все очень хорошо обдумать. На пленуме на эту тему говорить не стоит, она не для поспешного обсуждения, разве что упомянуть в самом крайнем случае. А вот следствие вести надо по этому пути.

– Какое следствие? – не понял Хрущев.

– В любом случае необходимо расследование деятельности Берия. А если он жив, то для партии и для народа было бы полезно провести открытый процесс. Это произведет хорошее впечатление.

– Знаешь, Петр, – снова вскочил с места Хрущев, – чушь-то не городи. Я Лаврентия знаю. Это не слизняки-оппозиционеры, его не запугаешь и не уговоришь, мол, дело партии требует и все такое прочее. Его на процесс не выведешь.

– Я думаю, в арсенале наших компетентных органов найдутся методы, которые позволят достичь этой цели, – пожал плечами Пospelов. – Главное, правильно поставить перед ними задачу.

– Так я не понял, – вкрадчиво спросил Хрущев, – что ты имеешь в виду. Какой Берия для нас полезнее: мертвый или живой?

– Каждый вариант имеет свои преимущества. В первом случае вам будет легче достичь единства внутри Политбюро, во втором – легче консолидировать вокруг себя партию и страну. Тем более что этот процесс можно вести с дальним прицелом. Если Берия не только признается в своих преступлениях, но и... – он запнулся на миг, прикрыл глаза и продолжал совсем уже тихо, – если он расскажет о личном участии Сталина в его преступлениях и личном руководстве этими преступлениями...

Хрущев нахмурился.

– Мы подумаем об этом, – резко сказал он. – Сейчас главное – провести пленум. Я попрошу тебя, Петр Николаевич, разработать предварительный сценарий того, что на нем будет говориться. Завтра в это же время мы встретимся и все обсудим. Я попрошу Михаила Андреевича поискать тебе в помощь какого-нибудь человечка посообразительнее из его аппарата.²²

– Хорошо. В таком случае, до завтра, – проговорил Пospelов, поднялся и тихо вышел.

Хрущев некоторое время сидел на столе, глядя ему вслед, потом рассмеялся:

– Так вот на кого ты замахнулся, Петруша! Вот кто тебе, оказывается, нужен! А ведь догадывался я... Ну что ж, сыграем и в эту игру. Начнем с Лаврентия, а там доберемся и до Хозяина.

Он снял телефонную трубку:

– Министерство обороны. Это Хрущев. Найдите и срочно вызовите ко мне генерала Москаленко...

Кабинет Хрущева. 13 часов 30 минут

– Кирилл, скажи, гауптвахта – надежное место? – без предисловий начал Хрущев.

– Пока никто не знает, что Берия там, – надежное. Но когда узнают, то дивизия Дзержинского ее одним батальоном снесет.

– Какая дивизия Дзержинского? Мы же все дороги блокировали, они в Москву не войдут!

– Захотят – войдут. Дороги перекрыты, а тропинки? Мы усилили охрану гауптвахты, поставили посты с пулеметами, но надолго их не хватит. Тем более никакой гарантии, что у Берии в запасе нет какого-нибудь черта в рукаве.

Хрущев поморщился, прошелся по кабинету.

– Как он?

– Жив. Молчит. Истерики не устраивает, прокурора не требовал.

– Так не дурак же он, чтобы требовать прокурора, – усмехнулся Хрущев. – Мы еще с ним намучимся. Ну так вот, Кирилл. Решено пока сохранить ему жизнь. Будем следствие проводить. У тебя есть какие-нибудь мысли, куда бы его деть на это время?

– В тюрьму нельзя. Вот если бы я мог распоряжаться штабом МВО, – осторожно проговорил Москаленко. – Там есть боевой командный пункт, в бункере, во дворе. Отличное,

²² Секретарь ЦК М. А. Сулов отвечал в ЦК КПСС за идеологическую работу.

скажу я тебе, место. Его штурмом не взять, да какой там штурм – он и против атомной бомбы устоит. Оттуда бы Берию никакой десант не достал.

– И чего тебе не хватает, чтобы его туда зафигачить? – насмешливо поинтересовался Хрущев.

Сам ведь все знает – так ему ж надо еще и поизмываться!

– Мне нужно получить право распоряжаться штабом округа, – все так же вежливо-отстраненно произнес Москаленко.

– Командующим стать? Так Николай еще утром приказ подписал, и Артемьева в штаб велел не пускать. Можешь приступить.

– Не пускать, – хмыкнул Москаленко. – Как его непустишь, когда еще неделя нужна на передачу дел.

– Напекаешь, чтобы мы Артемьева того, к Лаврентию? Нет, не стоит, это лишнее. У тебя есть идеи?

– Сейчас в Смоленске проходят учения, – включился в разговор до сих пор молча сидевший в уголке Булганин. – Я направлю его туда, а потом он сразу поедет на новое место службы, куда-нибудь подальше, в Уральский округ, к примеру, там пока нет командующего. Повеселим Георгия Константиновича.

– Ты дай ему понять, если он будет возбужать, то мы ему прогулочку до ближайшей стенки легко устроим, – подытожил Хрущев, – а если без шума очистит помещение, то останется цел, и местечко тепленькое подыщем. А ты, Кирилл, давай принимай дела, не мне тебя учить. И сегодня же переводы этого в бункер, пока его дружки не опомнились. Но переводы особым образом. Тут в одной хитрой голове появились полезные мысли. Сделаем-ка мы вот какую штуку...

27 июня 1953 года. Большой театр. 19 часов 45 минут

День выдался хлопотный. Теперь бы соснуть не мешало, но положение обязывало – раз уж решили быть на премьере оперы «Декабристы», значит, надо на ней быть. Сидя в правительственной ложе, Хрущев размышлял о том, как несправедливо устроена жизнь. Скажем, эти самые декабристы – мальчишки, молокососы, ничего не умели, кроме как красиво погибнуть, а спустя сто лет стали героями, и память о них будет жить в веках. Он же такое дело сделал, и теперь должен думать, как замести следы. А героем-мучеником в конце концов станет Берия.

От этой мысли Хрущева передернуло.

– Ну погоди ж ты, – процедил он сквозь зубы. – Уж кем-кем, а героем ты не станешь, это я заботу проявлю. Героем буду я, что избавил от тебя всех.

В антракте они отправились в комнату для правительственных гостей, где к тому времени подготовили стол. Им совершенно не обязательно было отсиживать в зале весь спектакль, достаточно показаться в ложе в начале, пробыть первый акт и оставить кого-нибудь похлопать в конце. Всем ведь ясно, члены правительства – люди крайне занятые и не располагают целым вечером. В первом антракте они немного выпьют и закусят, а потом большинство разойдется по своим делам.

Выпив первую рюмку, Хрущев подтолкнул локтем Булганина:

– Цирк-то когда начнется?

Тот взглянул на часы и улыбнулся:

– Третий звонок уже был. Сейчас клоуны появятся.

Не прошло и пяти минут, как на пороге показался начальник правительственной охраны. Выслушав его, Булганин кивнул, и через минуту в комнату вошли два оставшихся на свободе первых заместителя Берии, Серов и Круглов. Серов хмурился и стоял чуть сзади,

а «главный милиционер страны», слегка запинаясь, заговорил, обращаясь ко всем сразу и ни к кому конкретно:

– Товарищи! Мы ничего не хотим утверждать заранее. Возможно, Берия и готовил заговор, нам об этом ничего не известно. Но его задержали с явным нарушением закона, порядок его содержания неверный. Мы просим привести все в соответствие с УПК, и, кроме того, мы с Иваном Александровичем просим дать нам возможность самим допросить Берия.

Булганин посмотрел на Маленкова, на Хрущева и негромко, вежливо заговорил:

– Я все понимаю, товарищи, ваша позиция мне предельно ясна. Но здесь особый случай. Ответственный за содержание Берия – товарищ Москаленко. Вот он пусть вам и отвечает.

– Чего тут отвечать-то? – пожал плечами Москаленко. – Я не юрист и не чекист, и что там правильно, а что неправильно – всех этих ваших юридических закавык не знаю. Я воин и коммунист. Берия – враг нашей партии и народа, и мы относимся к нему как к врагу. Ничего плохого мы к нему не допускаем, но пока мы не убедимся, что его друзья-заговорщики не попытаются его освободить, он останется там, где находится.

– Кирилл Семенович совершенно прав, – поддержал Хрущев. – В скором времени начнется следствие. Вести его мы поручим лично генеральному прокурору, и он проследит за тем, чтобы все было как надо. Мы вас понимаем, поймите и вы нас. В системе МВД у Берии множество сторонников. Мы не хотим рисковать. Если он вырвется на свободу, страшно даже подумать, это выльется в похуже Гитлера...

Круглов нахмурился было, но Серов тихонько потянул его за локоть и что-то шепнул. Оба эмвэдэшника направились к выходу. Хрущев, дождавшись, пока дверь закроется, поднял бокал:

– А теперь, товарищи, я хочу выпить за Кирилла Семеновича, за его хорошую, успешную и, я бы сказал, чистую работу. Если бы не он, мы бы оказались сейчас в очень трудном положении...

– Никита, – прервал его Каганович. – А почему бы не дать им встретиться с Лаврентием? Пусть поговорят под надзором товарища генерала, чего ты боишься?

Хрущев запнулся, опустил бокал и несколько смущенно взглянул на Булганина. Тот кашлянул, проверил, плотно ли прикрыта дверь, и негромко проговорил:

– Видите ли, товарищи... Мы как раз хотели вам объявить... К сожалению, из наших военных получились не самые лучшие тюремщики. Обыскивая Берия, они не догадались отобрать у него запасное пенсне. Этой ночью он разбил стекло и вскрыл себе сонную артерию.

– Моя вина! – мрачно проговорил Москаленко.

– Кирилл Семенович, как вы уже заметили, вы воин и коммунист, а не тюремщик, хотя эту ситуацию могли бы предусмотреть. Но без толку говорить о том, чего нельзя поправить. Зато это снимает сомнения в виновности Берия – невинные борются до конца, это мы все знаем по тридцатым годам. И нам надо решить, что теперь делать.

В комнате повисла тяжелая тишина.

– Я полагаю, – наконец заговорил Микоян, – до окончания пленума смерть Берия следует держать в тайне. А потом, когда все успокоится, через пару месяцев объявим о его смерти в тюрьме.

– А вы в курсе, что уже сейчас по Москве идет слух, будто бы Лаврентия убили при аресте? – сухо спросил Молотов. – Вы их всех по 58–10²³ сажать станете, или сразу в «Правде» напечатаете: «Слухи о смерти Берия не соответствуют действительности»? Вот уж тогда на

²³ Статья 58–10 предусматривала наказание за «антисоветскую агитацию».

пленуме точно потребуют показать его народу. И как вы станете выкручиваться? Загримируете под него артиста Ильинского?

– Товарищ Молотов, ты ведешь себя так, словно бы мы не одно дело делаем, – повысил голос Микоян. – Мало ли какие слухи ходят, если на все реагировать... Кстати, можно подготовить от имени Берия какой-нибудь покаянный документик, вроде тех, что писали в тридцать седьмом, и перед началом пленума дать участникам ознакомиться с ним. Тогда рядовые члены ЦК воспримут случившееся в ряду аналогичных дел и отнесутся совершенно спокойно.

– Николай Александрович! – тихо заговорил Москаленко. – А если в самом деле...

– Говори громче, – сказал Булганин, – не до субординации. Что ты предлагаешь?

Москаленко повысил голос:

– А если и в самом деле... Не Ильинского, конечно, но найти какого-нибудь похожего человека, загримировать под Берию, поместить его в такое место, где настоящего Берию никто не знает. Да хотя бы в бункер при штабе МВО. В таких случаях ведь положено следствие проводить? Ну, и если мы станем его водить на допросы к следователю через двор и по коридорам штаба, то все наши машинистки и адъютанты будут торчать в замочных скважинах. Берию никто из них близко не видел, а если и видел, то наденем шляпу, замотаем шарфом. Завтра же всей Москве станет известно: никто Берию не убивал.

– Ну, Кирилл, ну, голова! – восхитился Хрущев. – Умеешь ошибки исправлять! Я думаю, товарищи, идея отличная! А раз товарищ Москаленко ее предложил, пусть он и выполняет. Кто за?

– Воздерживаюсь! – отрезал Молотов.

– Больше никто не против? – спросил Хрущев. – Ну, тогда давайте все же выпьем за успех операции... как бы ее назвать...

– «Скелет в кремлевском шкафу»,²⁴ – сухо обронил Молотов и вышел из комнаты.

Ворошилов тоже взял бокал, но пить не стал, а подошел к Маленкову, молча стоявшему у окна.

– Георгий, ты веришь во все это? В то, что Берия готовил переворот и нас всех сегодня должны были арестовать? Я ведь его не первый день знаю.

– Данных таких у меня нет, – хмуро, явно думая о чем-то своем, ответил Маленков. – А верить или не верить... Наверное, Никита знает.

– А вот Коба²⁵ в таких случаях говорил: верят в Бога, а что касается всего остального – доверяй, но проверяй... Не было у тебя данных, говоришь...

– Климент Ефремович, давайте не будем об этом. Во-первых, нет смысла, а во вторых... просто не стоит. Лаврентий мертв, его не вернешь. А заводить сейчас смуту в государстве – значит дать повод империалистам напасть на нас. Ты ведь не хуже меня знаешь, какие планы лежат в генштабе американцев. Стоит нам чуть дрогнуть – и мы погибли.

– Да, конечно... И все же мне бы хотелось узнать, какая муха укусила Никиту. Но ведь он правды не скажет. Он всегда врет, врет даже тогда, когда в этом нет никакой нужды... – Ворошилов махнул рукой и пошел в зал.

27 июня 1953 года. Большой театр. 20 часов 30 минут

Опера Маленкову не понравилась, но уезжать из театра не хотелось. Обычно помпезная пышность театральных интерьеров казалась ему чуждой, но в нынешнем настроении эта

²⁴ Имеется в виду английская поговорка: «У каждой семьи есть свой скелет в шкафу».

²⁵ Коба – старая, еще грузинского периода подпольная кличка Сталина. Ворошилов – единственный из состава Политбюро, кто помнил его по тем временам.

тяжеловесная красота приносила некоторое облегчение. В середине второго акта он ушел из зала и теперь сидел у стола в комнате отдыха и пил далеко уже не первую рюмку, когда вошел Хрущев.

– Георгий, погоди пить, – сказал первый секретарь, забирая у него коньяк. – Надо поговорить.

– О чем? – поморщился Председатель Совмина.

– Мы собираем пленум. И нам надо заранее договориться и держаться единым фронтом. Короче говоря, тебе на этом пленуме придется сделать доклад.

– Ты первый секретарь, – проговорил Маленков, не оборачиваясь и наливая себе новую порцию, – ты и делай.

– А ты Председатель Совета Министров. Глава государства.

Маленков вскочил и с таким внезапным бешенством швырнул о стену рюмку, что Хрущев невольно отпрянул.

– Ворошилов²⁶ у нас глава государства! Ты бы хоть Конституцию почитал, генсек е...!

Хрущев смолчал. Георгий Максимилианович редко впадал в ярость, но когда это происходило, средства против него не было.

– Повязать меня этим хочешь? Слушай, ты...

Те слова, которые Председатель Совмина сказал первому секретарю, дворянин Маленков и знать бы не должен, если бы не воевал в гражданскую, а потом не командовал рабочими отрядами в схватках с троцкистами. Гимназическое образование и природные лингвистические способности довершили остальное.

– Пугать меня вздумал? – закончил он. – Я семнадцати лет пошел на гражданскую, а там быстро отучали бояться. Если ты хочешь отправить меня вслед за Лаврентием, у тебя это получится. Такая мразь, как ты, на все способна. Но я ни слова не скажу ни на каком пленуме, пока не объяснишь, зачем ты все это вытворяешь. И так объяснишь, чтобы я тебе поверил...

– Хочешь правды? – по-волчьи оскалившись, выкрикнул Хрущев.

– Не ори!

– Ладно!

Теперь первый секретарь говорил свистящим шепотом. Это давалось ему с трудом, ситуация была такая, что хотелось как раз орать, а лучше – стрелять. Пристрелить бы и этого за компанию с Лаврентием, да нельзя – если убить еще и Председателя Совета Министров, то переворот уже не скроешь. С Маленковым надо договариваться, кланяться, унижаться... Ну погоди, все это тебе отойдется, припомнится, дай только срок!

– Вот тебе правда, – прошипел Хрущев. – Я спас твою шкуру вчера, и не только твою. Потому что два дня назад ко мне пришли.

– Кто пришел?

– Очень серьезные люди. Занимают крупные посты в нашей с тобой партии.

– Поименно... – тихо и яростно процедил Маленков.

– Хорошо же. Ты сам этого хотел. Называю. Товарищи Каганович, Микоян, Булганин и с ними маршал Жуков. И эти товарищи заявили мне, что партия мной недовольна. Будто бы я превысил полномочия, от имени всей партии договариваясь со Сталиным и сталинцами, то есть с вами, о разделе власти. И если я немедленно не прекращу предательскую деятельность Бери, они примутся за дело сами. Тебе объяснять, что это значит?

– Объяснять, – сухо сказал Маленков.

– Это значит, они сделали бы то, что не удалось в тридцать седьмом. За ними – партия, армия. Верховный Совет будет танцевать так, как они его за ниточки подергают. Меня и вас

²⁶ К. Е. Ворошилов в то время был Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

с Лаврентием сняли бы с постов, а потом кончили. И повернули бы страну по ленинскому пути. Понятно тебе? Или ты думаешь, СССР и военный коммунизм выдержит? Так я тебе скажу – не выдержит, и будет новый тридцать седьмой год, но теперь уже без Сталина, и полумиллионом покойников мы не отделаемся, теперь никто эту пьяную сволочь, партийных секретарей, останавливать не будет – некому их останавливать.²⁷ Понял наконец, куда вы со Сталиным со своим либерализмом страну завели? Надо было в тридцать девятом распускать к чертовой матери эту ВКП(б), а вы войны побоялись...

– Впервые слышу, чтобы ты, Никита, был против партии, – сухо усмехнулся Маленков.

– Я-то был, и если помнишь, я их немало порешил. И Москву, и Украину почистил так – лучше не надо. А вы меня в свою компанию взяли? Не взяли! Никита, мол, дурак, Никита клоун. Что мне оставалось? Я хотел разрулить все мирно, мягко – не вышло: пришли и потребовали. И я поступил по совету товарища Сталина. Помнишь, как он в тридцать восьмом говорил? Когда надо выбирать между злом и злом, попытка быть добрым обходится самой большой кровью. Тебя мне удалось отстоять, а Лаврентия – нет. Если бы дело до Германии было, может, и вышло бы, но в германском вопросе он свою антикоммунистическую сущность показал крепко. Пришлось его сдать. Я надеялся подержать его в тюрьме пару лет, а потом потихоньку выпустить, дать какой-нибудь невидный пост, и пусть живет себе... А он, видишь, по-другому решил... Лаврентия уже не вернешь, а если мы сейчас из-за него передеремся, ты представляешь, что начнется? Раскол в партии, раскол в стране, а у американцев забыл, сколько бомб на нас нацелено? Все пропадем, и партия, и страна...

Хрущев увлекся и говорил теперь в полный голос, горячо, торопливо. Маленков присел у стола, налил новую рюмку, задумался. Конечно, Никита врет, – но не может же он всегда врать! А сказанное им сейчас очень похоже на правду. Никто из тех, кого он назвал, не выразил недовольства происшедшим. А ведь все прекрасно знают – никакого «заговора Бери» не было, и быть не могло. Не тот Лаврентий человек, чтобы заговоры устраивать, он и так всего добьется, что ему нужно. А Хрущев – зачем ему брать власть так поспешно, с таким огромным риском для жизни? Если бы дело сорвалось, ему была бы вышка, без отсрочек и кассаций, по 58-1.²⁸ Нет, Никита не настолько любит власть, чтобы так рисковать. Любит, но не с такой силой. Пожалуй, все было действительно так, как он говорит: пришли и потребовали. И если за теми, кто пришел, стоит партия, то у него на самом деле не было выбора. Но арестовывать Берию на Политбюро, при том что эта компания была в большинстве и в партии, и в Совмине? Вечно этот хохол зубы через задний проход чистит...

– Раньше надо было о стране думать, – устало сказал Маленков. – Если думать о стране, то не хватать следовало Лаврентия, а, раз уж так вышло, снять его на Политбюро, как положено.

– А он бы нас, как Троцкого, да? – вскочил присевший было Хрущев.

Маленков поморщился.

– Ты хоть сам-то веришь тому, что мелешь? Подчинился бы он общему решению, никуда не делся. Оставили бы ему атомный комитет, и выполнял бы он задания партии и правительства, как всю жизнь их выполнял. Впрочем, тебе же хуже: посмотрю я, как ты будешь страной без Лаврентия управлять.

– А почему я, Георгий? – снова вскочил Хрущев. – Председатель Совмина – ты, вот ты и будешь управлять страной.

– Нет уж, уволь! Я не Лаврентий, прикрывать ваши голые задницы не стану. Взяли власть, извольте за все и отвечать.

– Ты говоришь не как коммунист...

²⁷ Подробно о «тридцать седьмом годе» можно прочесть в книге Е. Прудниковой «Творцы террора».

²⁸ Статья 58-1 Уголовного Кодекса предусматривала ответственность за измену Родине.

– Да уж какой есть, – огрызнулся Маленков. – Как говорил товарищ Сталин: критикуешь – предлагай, предлагаешь – делай, делаешь – отвечай. Вот и отвечай, Никита, или пусть друзья твои партийные отвечают за все, что будет. Или ты не знаешь, в каком состоянии наша экономика? Мы начали проводить экономическую реформу, ты ее торпедировал в самом начале, и как теперь? Снова будешь глоткой брать, как в тридцатые? Так не выйдет, как в тридцатые. Если ты опять начнешь митинги устраивать, здесь уже не тридцать седьмой, а семнадцатый год будет.

– Георгий, – тихо заговорил Хрущев. – Прошу, успокойся. Я все понимаю. Думаешь, мне это нравится? Проводи реформу, разве кто против? Они настаивали на том, чтобы убрать Берию и прекратить антипартийную политику, а в остальном – тебе полная воля, выполняй сталинские планы.

– А как? С чего ты взял, будто я знаю, как их выполнять? Реформу разрабатывали Сталин и Берия, и что они там напридумывали, знал только один человек. Может быть, у тебя есть кто-нибудь умнее Лаврентия? Или сам хочешь попробовать? Только пистолет не забудь, чтобы застрелиться, когда увидишь результаты...

Хрущев присел рядом с Маленковым, тронул его за рукав, заглянул в глаза.

– Послушай, Георгий. Ну о чем теперь говорить? Берию не вернешь. А нам надо держаться вместе, иначе все будет еще хуже, чем теперь.

– Ну и чего тебе от меня надо? – с беспредельной усталостью спросил Председатель Совета Министров.

– Ты же сам знаешь. Доклад на пленуме... Ничего страшного от тебя не потребуется. Есть у меня один хлопец, он расскажет о безобразиях чекистов на Украине, мы это запишем, а ты прочтешь на пленуме. Пойми, это же не для меня надо...

– Врешь ты все, – проговорил Маленков с мрачным отчаянием. – Тебе это надо. В генсеки метишь. И знаешь ведь, мерзавец, деться мне некуда – у тебя, как в тридцать седьмом, вся страна в заложниках.

Хрущев поднялся, заискивающе улыбнулся:

– Значит, договорились?

– Договорились, – мрачно сказал Маленков, выпил свою рюмку и налил следующую.

Площадь у Большого театра. 22 часа 45 минут

– Оперу-то послушал? – поинтересовался Хрущев, поплотнее усаживаясь на сиденье и знаком велел водителю поднять перегородку между кабиной и салоном.

– Не до опер мне, – поморщился Серов. – Да и не люблю.

– Ага, тебе бы девок, чтоб ноги выше головы, – толкнул его локтем первый секретарь. Начальник Управления госбезопасности поморщился и слегка отодвинулся.

– Ладно, к делу, – посерьезнел Никита Сергеевич. – А скажи-ка мне, Ваня, что бы ты сделал, если бы сидел на месте Берии в камере?

– То же, что и он, – поморщился Серов. – Раз уж есть такая возможность. Мне как-то неохота, чтобы москаленковские молодчики мне под ребра сапоги забивали.

– Твои молодчики, Ваня, – тихо и как-то по-особому ласково проговорил Хрущев. – Твои...

Серов поднял голову, кровь бросилась ему в лицо, кулаки сжались.

– Ах вот как... – процедил он.

– Видишь, какое тебе доверие, Ваня, – все тем же тоном продолжал Хрущев. – То, что Берия жив, знают пять человек во всей Москве. Ты – шестой, и до конца пленума седьмого не будет. А потом начнем следствие. И ты уж будь ласков, выдели парней покрепче для этого дела.

– Да ты рехнулся! – разом забыв о всякой субординации, рявкнул Серов. – Ты хочешь, чтобы его допрашивали чекисты? Или ты думаешь, раз Берия семь лет министром не был, так у него и своих людей в МВД нет? Есть у него люди, вот только никто не знает, кто именно. Ищи для этого дела кого хочешь, но если ты отправишь туда чекистов, то я за твою шкуру пятака гнutoго не дам.

– Хорошо, понял, – оборвал его Хрущев. – Кому допрашивать, найдется. А все же ты мне скажи, не за себя уже, а за Лаврентия: как он будет действовать?

– Ну, если уж не зарезался, то поступит так же, как и любой другой, – раздраженно, но уже спокойно сказал Серов. – Попытается установить связь с волей.

– И как бы ты поступил, если бы вел расследование?

– Обычно, – пожал плечами чекист. – Пусть следствие ведется максимально жестко. Только учти: бить Берию надо осторожно, здоровье у него никудаышное, откинуться может. А параллельно, по какому-нибудь частному вопросу, я бы подсунил ему другого следователя, этакого лопушка, которого вербануть – раз плюнуть. Едва ли он устоит. А лопушку надо дать соответствующее задание – подставиться и отдаться. Ну, а когда мы выйдем на людей Берии, найти архивы будет уже техническим вопросом. Вам ведь Лаврентий для этого нужен, вы же не процесс с ним будете готовить...

– Молодец, Ваня, – засмеялся Хрущев. – Вот что значит специалист! Так и поступим.

Когда Серов вышел из машины, Хрущев махнул шоферу, давая знак поворачивать к дому, откинулся на сиденье и засмеялся:

– А еще говорят, судьбы нет, а есть один материализм. Одно к одному: предлог мне товарищ Маленков предоставил такой, лучше не надо. Да и о процессе мы подумаем. Потом, когда уже не будет нужды бить осторожно...

Квартира писателя Ситникова. 23 часа 30 минут

– Машенька, – прошептал Николай. – Выпроваживай.

На долю жены писателя выпала сегодня нелегкая задача. Она спраживала уже четвертого визитера, объясняя: мол, к Коленьке приехал друг из Сибири, по каковому поводу он так зверски пьян, что разговаривать с ним бесполезно. При этом слезы у нее были вполне настоящими. Она очень, от всей души жалела Николая Петровича – так звали Берию в этом доме. Он бывал здесь, – собственно говоря, квартира Ситникова являлась еще и конспиративной квартирой Министерства госконтроля, – проводил встречи с агентами. Всегда вежливый, приветливый, никогда не забывал принести Маше конфеты, которые та самозабвенно любила. А пятилетний Валерка души в «дяде Коле» не чаял и, едва тот приходил, сразу же залезал к нему на колени. Так он и беседовал с агентами, не спуская мальчугана с рук. Как-то раз он сказал Маше, словно бы извиняясь: «Мальчик – это хорошо. А у моего сына две дочери, они больше с бабушкой дружат...»

...В этот день в квартиру попадали только особые люди. Полчаса назад пришел генерал, сел за стол, махнул рукой и потребовал водки. Из разговоров Маша поняла: до тех людей, которые знают, где Берия, добраться не удалось. Но верные люди доложили, что недавно прошла информация: он покончил с собой в камере, Булганин сообщил об этом членам Политбюро.

Выпив две стопки, генерал долго смотрел в стол, а потом, все так же глядя прямо перед собой, мрачно сказал:

– Примем к сведению. Но я Лаврентия не один год знаю. Легкие пути не для него. Поэтому продолжаем работу. Будьте на связи. Все новости пойдут через вас.

Николай кивнул. Маша ничего не сказала, ушла на кухню, где в уголке за занавеской висели иконы, и долго молилась о рабе Божиим Лаврентии. Прости, Господи, что он в Тебя не

верит, креста не носит! Но ведь человек-то какой хороший! Отца ее из лагеря вернул, разве этого мало? Отец никаких прошений и писем не писал, не верил он в справедливость большевистской власти, хоть и служил ей – на Лубянке сами о нем вспомнили, проверили дело, освободили, восстановили в армии. И дочь погибшего под Курском полковника Полыхаева, теперь неработающая жена писателя и, по совместительству, связная нелегальной сети Министерства госконтроля, еще долго молилась, ожидая звонка.

Но звонка не было. Ничего узнать так и не удалось...

Глава 3

К теории случайных связей

...Еду ему все-таки принесли. Даже три раза – завтрак, обед и ужин, солдатский паек. Стало быть, прошел день. Боль в спине не утихла, но и не усилилась. Ладно, хоть что-то хорошее. Размышлять было уже не о чем, и он старался как можно больше спать, чтобы сберечь силы для схватки.

...Вечером за ним пришли. Москаленко на сей раз не было, явился Батицкий, с ним два полковника – те же, что и накануне, майор и капитан. Последние двое прятали за сухой, сдержанной официальной изрядную растерянность – по-видимому, не заговорщики, просто выполняют приказ.

– Руки назад! – вспомнил кто-то.

Надели наручники, вывели во двор, где стоял обшарпанный армейский «газик», офицеры уселись рядом, один из полковников – сзади, держа у затылка пистолет. Берия сидел смиренно, стараясь казаться дремотно-безвольным, но тщательно прислушивался к разговорам, пытался понять, куда везут. Если куда-нибудь за город, чтобы кончить – тут уже ничего не поделаешь. Но если просто перевозят на новое место – надо постараться как-то удивить конвоиров, произвести впечатление, чтобы о нем пошли слухи, чтобы этот вот капитан завтра за водкой рассказывал приятелям: «А мы сегодня Берию возили, так он...» А уж эти его пьяные рассказы дойдут до кого надо. Что бы такое сделать?

Берия вспомнил, как пару месяцев назад читал старшей внучке «Бородино» Лермонтова. В жизни ему было, мягко говоря, не до русской поэзии, однако цепкая память разведчика сохранила многое, и он принялся повторять про себя: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французам отдана...» Шептал, шевеля губами, но почти беззвучно. Конвоиры стали прислушиваться.

– Никак молится? – презрительно спросил один из полковников. – Посмотри, Палыч, не обмочился?

– А правду говорят, будто Каменев перед расстрелом по-жидовски кричал: «Израиль, бог единый...» – спросил майор, который, по-видимому, и был «Палычем».

Берия поднял глаза, скользнул взглядом по лицам.

– Неправду. Полковник наш рожден был хватом, слуга царю, отец солдатам, – спокойно продекламировал он. – Как дальше, кто-нибудь помнит?

– Да жаль его, сражен булатом, он спит в земле сырой... – растерянно ответил молодой капитан. Батицкий, яростно цыкнул на него, полковник грубо ткнул арестованного пистолетом в шею, приказывая молчать.

Берия кивнул капитану и продолжал шевелить губами.

Конвоиры притихли, озадаченные.

«Хорошо. Первый слушок, считай, готов...» Он задавил мысли, заметавшиеся в голове при слове «расстрел», и продолжал припоминать стихи.

Путь был недолгим, вскоре машина затормозила. Расстреливать? Нет, едва ли. Либо справились бы в том же подвале, либо вывезли за город, чтобы сразу и зарыть. Окна были завешены, на дворе вечер, однако в салоне стало еще темнее, и он решил, что въехали в какой-то двор. Его толкнули в спину: выходи, мол. Он вышел – и в самом деле двор. Машинально поднял глаза к низко нависшему небу. В тюрьме время быстрое – кто знает, придется ли увидеть еще раз. Всего несколько секунд, затем Берия споткнулся и пришлось смотреть под ноги, а там его завели в здание, и неба уже не было видно.

Судя по интерьерам, помещение, куда его привели, было комнатой отдыха какой-то воинской части или штаба. Если судить по мебели – последнее вернее. Два хороших дивана,

пианино у стены, большой стол, на углу которого – шахматная доска с расставленными фигурами. Когда они вошли, из-за доски вскочили два молодых лейтенанта, молча уставились на Берию. Его толкнули на стул: «Сидеть!» Он послушно сел, прикрыл глаза, казался по-прежнему расслабленным. Батицкий ушел. Минут пять кого-то ждали, наконец все находившиеся в штабе встали. В дверь вошли двое: военный и штатский.

Берия знал обоих. Военный – генерал Москаленко, командующий ПВО, штатский – прокурор Цареградский.

– Привезли? – зачем-то спросил Москаленко.

– Привезли, товарищ командующий округом, – вытянулся полковник.

– Как себя вел?

– Без эксцессов.

Ого! Быстро генерал подрос по службе, ничего не скажешь. Ясно, кто его наградил, и ясно за что.

Москаленко быстрыми шагами прошелся по комнате, остановился перед Берией. Тот продолжал сидеть.

– Хочешь что-нибудь сказать? – насмешливо спросил генерал.

Берия поднял голову и слегка приподнял бровь. Да, конечно, с его лицом это вышло комично, офицеры пересмеивались.

– Тебе? – с равнодушным высокомерием спросил он. – Ты не та фигура, чтобы я с тобой разговаривал.

Смешки прекратились. Москаленко покраснел и с ходу бухнулся в приготовленную ловушку.

– И какая же я, по-твоему, фигура?

– Ты? Пешка. Сегодня тебя на округ поставили, а завтра Никите не угодишь, пошлет он тебя говно руками выгребать. И пойдешь...

Москаленко онемел на мгновение. Потом его взгляд метнулся к доске, он подошел, посмотрел, взял черного ферзя.

– А ты себя, наверное, считаешь королевой? А мы эту королеву отье... и... – генерал легко переломил хрупкую фигурку.

Берия пожал плечами.

– Эта фигура называется ферзем. Королевой ее зовут только провинциальные барышни. Ты все же генерал, должен подчиненным культуру нести, а не только водку жрать, – сощурился, он глянул на онемевшего от злости генерала и продолжил еще более сухо: – Сотворить с ферзем вы можете все, что угодно. Вы не можете только одного – сделать его пешкой. А ты хоть пополам разорвись, как был говном, так им и останешься...

Москаленко побагровел, открыл было рот, но слов не нашел и бешено швырнул обломки злосчастного ферзя в лицо Берии. Попал, однако тот не шевельнулся, лишь еще выше вздернул бровь. Генерал полез за пистолетом, но прокурор перехватил его руку.

– Кирилл Семенович, опомнитесь! Что вы делаете?

Берия усмехнулся и глянул на лейтенантов. Один смотрел в пол, другой, совсем еще мальчишка, открыв рот, уставился на него.

«И это хорошо, – подумал он. – Едва ли Москаленко здесь любят. Сегодня же вечером звон пойдет по всему гарнизону...»

Москва. Проспект Мира. 28 июня. 19 часов 30 минут

...По правде сказать, день рождения Ивана Федоровича в этом году пришелся на четверг. Но в будние дни у каждого были свои дела и свои рабочие смены, поэтому отпраздновать решили в воскресенье. Вечером сдвинули столы на кухне, пришла сестра именинника с

уцелевшим на войне мужем и с сыном, остальные были свои. По старой, освященной десятилетиями квартирной традиции выпивку ставил именинник, а соседи заботились о закуске. Стефа сделала немудрящий салатик, Павел достал кусок присланного с Украины сала, но потом они немножко увлеклись друг другом и вышли на кухню, когда там уже всюю бушевал разговор. Обсуждали последнюю сногшибательную новость.

– У нас в школе то же самое, – понизив голос, говорил старичок-учитель. – Вчера перед самым концом занятий пришло указание из РОНО – портрет снять. Мы подождали, пока все разойдутся, вместе с директором сняли и убрали в чулан.

– Почему же в чулан? – поинтересовался муж сестры именинника. – Врагов покрыва-ете?

– Никого мы не покрываем. Ну а вдруг ошибка, что тогда? В сорок первом тоже, помните, говорили, будто Каганович застрелился? А оказалось – все враки. И хороши бы мы были, когда б портрет сняли? Если в понедельник подтверждение будет, то поступим, как положено.

– О, товарищ майор! – обрадовался уже слегка вмазавший Иван Федорович. – Сейчас нам армия все разъяснит. Мог такой человек, как Берия, быть врагом народа?

Павел поморщился. Обсуждать эту новость ему не хотелось. Вчера вся академия гудела как пчелиный улей, а теперь вот и дома тоже...

– Ты бы поднес сначала гостю, – проворчал он, кладя на стол тряпицу с розовым, в прожилках, салом. – А то я не понимаю, где оказался. Вроде на именины шел, а попал в политотдел.

Однако после очередного тоста разговор свернул в то же русло. Теперь уже вся квартира хотела знать, что он обо всем этом думает. Павел придал лицу выражение киношного замполита и четко, с паузами, проговорил:

– А думаю я, раз арестовали, значит, враг.

– Такой человек, на самом верху, и враг? – поразился именинник.

– А чем он лучше Ежова или Тухачевского? Тоже не маленькие люди были, а оказались шпионами. Всякое может быть. Мы у себя в Драгомичах, помню, никак понять не могли, почему бандиты про все наши действия раньше нас знают. И кто, оказалось, им помогал? Второй секретарь райкома, собственной персоной. Враг иногда может очень высоко забраться, но все равно в конце концов его разоблачат и расстреляют.

– Вот-вот! – встряла Софья Матвеевна, дама из породы «к каждой бочке затычка». – Он и врачей потому освободил, что вредитель. А им всем дано задание людей изводить. Я в поликлинике в понедельник в очереди сидела, такого понаслушалась...

– Кому ж тогда верить! – возопил именинник.

– Фронтовикам! – тут же откликнулся муж сестры. – На фронте сразу все ясно, кто есть кто. Вот скажи, майор, Берия на фронте был?

– А кто ж его знает, – пожал плечами Павел. – Я за ним не бегал. Никита Сергеевич был, это я точно знаю, а про остальных нас как-то забыли известить.

– Не был он на фронте! – возопил раскрасневшийся Иван Федорович. – А если и был, то в тылу сидел. Особисты, падлы, все такие! Как орать, так первые, а как в атаку – где он?

– Это Никита Сергеевич-то не был? – вскочил Павел. – Я сам с ним под Харьковом встретился, в окопах, а ты мне тут будешь говорить...

В воздухе ощутимо запахло хорошей дракой. Инвалид был хоть и хромой, но сильный, а водка делала его еще и храбрым. Однако чувство справедливости оказалось сильнее желания сбить спесь с зазнавшегося соседа. Он налил еще по одной и поднял стопку.

– Уймись, Пашка! Я же не про товарища Хрущева говорю. Он ведь особистом не был, правда? Я про Берию. А за товарища Хрущева я всегда выпить готов...

Вмазали еще по одной.

– Ты как с ним познакомился-то? – поинтересовался муж сестры.

Остальные хранили молчание. Когда фронтовики говорили о своем, прочие не влезали, так уж было заведено.

Павел уставился неподвижным взглядом в синее стекло салатной миски.

– Под Харьковом это было, – начал он. – Весной сорок второго. Как раз перед самым наступлением...

...Ночью они ходили через линию фронта. Вернулись под утро – пока сдавали пленного и разведданные, кстати подоспел и завтрак, долго ждать не пришлось, – поели и тут же завалились спать в блиндаже. Коротков проснулся, когда солнце уже склонялось к закату. По его ощущению, дело было к обеду. Часы он забыл завести, но еду на передовой раздавали не по часам, а как сварят, и фронтовое чутье говорило, надо бы подтянуться поближе к кухне. Он выбрался из блиндажа и, пригибаясь, пошел по траншее. Снайперов на их участке не было, но немецкие офицеры иногда устраивали «охоту на Ивана», соревнуясь в меткости, – об этом их развлечения знали от «языков». Да и из миномета нет-нет да и стрельнут, а мина перед обедом тоже ни к чему. Впрочем, после обеда она ни к чему еще больше...

От согнутой позы сразу же снова захотелось спать. Он шел, сонно предаваясь сладким мечтам о беленькой сестричке Тосе из медсанбата, и так задумался, что почти налетел на невысокого генерала, быстро идущего навстречу по траншее. Сзади маячили несколько старших офицеров и командир полка. Стало быть, важная шишка.

– Никак, спишь на ходу? – напустился на него генерал. – Почему это у вас, товарищ Половцев, среди бела дня лунатики по траншеям бродят?

– Это лейтенант Коротков, товарищ член Военного совета, – попытался вступить за него командир полка. – Он сегодня ходку делал за линию фронта, только вернулся. Из лучших разведчиков у нас, орденосец...

– Орденосец, говоришь... – генерал смягчился, кинул взгляд на грудь Павла, где красовалась медаль «За отвагу». – Ну и где ж его орден?

– Представлен месяц назад. Взял немецкого капитана с важными документами. Он как раз среди тех, кому вы сегодня награды привезли...

Павел ошарашенно прислушивался к разговору. То, что он не знал об ордене, неудивительно: полковник Половцев никогда не говорил заранее, кого представляет, – чтоб если не дадут, так не было человеку обидно. Он уже прикидывал, как выпросить у начснаба спирту или хотя бы дерьмового трофейного шнапсу, но бодрствующий уголок мозга все же следил за окружающей обстановкой. «Ложись!» он заорал бессознательно, одновременно с командиром полка, и так же бессознательно прыгнул на генерала и рухнул вместе с ним, притиснув того к земле.

Мина ударила сразу за краем траншеи, как раз над их головами, осколки пошли поверху, лишь осыпало землей и мелкими камешками. Упасть успели все, никого не задело. Генерал под ним заворочался и сел, прислонившись к земляной стенке, поморщился и потер шею.

– Прыгаешь, понимаешь, как на девку. Думаешь, я на фронте первый день? И без тебя бы успел...

– А я знал, что успели бы? – в тон ему недовольно ответил Павел. – А если нет? Отвечай потом за вас...

Генерал поднялся на ноги, еще раз потер шею и вдруг рассмеялся. Половцев облегченно вздохнул. Если что-то не понравится высокому начальству, нагорит в первую очередь командиру полка, а с разведчика какой спрос? Его даже на губу не посадишь – белая кость, мать их так...

– Молодец, лейтенант Коротков! – хлопнул его по плечу генерал. – Так с нами и надо. А то шастают тут всякие, понимаешь, проверяющие-охмуряющие. Тебе сколько лет-то, товарищ орденосец?

– Девятнадцать, – исподлобья глянул Павел.

Вопросов о возрасте он не любил. Сразу начинали подсмеиваться. Оттого и прибавлял себе лишний год: скажешь «восемнадцать», получится совсем несерьезно. А между прочим, человек человеку рознь. Иной и в сорок хуже младенца...

– Откуда родом? Родители на нашей территории? – быстро и заинтересованно спросил генерал.

– Из Саратова. Детдомовский. Отец двадцатипятилетним²⁹ был, их обоих с матерью кулаки убили, – еще больше нахмурился Коротков.

– Стало быть, дитя нашей пролетарской власти. За линию фронта много ходил?

– Тридцать четыре ходки! Двадцать две на Северо-Западном фронте, двенадцать здесь. Переведен после ранения в феврале сорок второго года, товарищ член Военного совета!

О том, что ни на каком Северо-Западном фронте он не был, а первые двадцать два визита за линию фронта ему записали после возвращения из глубокого немецкого тыла, Павел, само собой, не сказал. Как и обо всем остальном: о Смоленской разведшколе НКВД, куда его взяли в сентябре сорокового года, о нелегальной работе в захваченном немцами Минске. Потом был провал группы, партизанский отряд, участие в битве за Москву с «изнанки» немецкого фронта, ранение... Когда в феврале он выписался из госпиталя, никаких сведений о младшем лейтенанте Короткове в наркомате внутренних дел не оказалось. В суматохе отступлений, окружений и немецких атак мало сохранилось сведений о тех сотнях разведчиков, которые действовали в немецком тылу в первые месяцы войны. В конце концов, не имея возможности проверить, с ним поступили мудро: дали звание лейтенанта, медаль «За отвагу» и, как бывшего партизана, отправили на фронт, в полковую разведку. Впрочем, Павел был не в обиде: «глубокой» работы за первые четыре месяца войны ему хватило на всю оставшуюся жизнь. Рассказывать об этом он имел право лишь определенным людям и в определенной ситуации, и веселому генералу знать о таких вещах было совершенно ни к чему.

– А знаешь, комполка, – повернулся генерал к Половцеву, – я этого парня у тебя заберу. Славный парень.

Павел перевел взгляд на полковника. Не было у него ни малейшего желания идти куда-то в штаб, хотя там и безопаснее, и кормят лучше. Однако командир лишь глаза отвел: сам не рад, но с членом Военного совета не поспоришь.

– Полчаса тебе на сборы, – жизнерадостно продолжал генерал. – На награждение личного состава прибудешь с вещами. Сразу после того двинем дальше. Пиши приказ, – повернулся он к незнакомому полковнику из своей свиты, – откомандировать лейтенанта Короткова в мое распоряжение.

– В чье распоряжение-то? – тихонько спросил Павел у Половцева, когда генерал, еще раз хлопнув его по плечу, двинулся дальше. – Кто это?

– Член Военного совета Хрущев, – неохотно ответил комполка. – И дернуло тебя, черта, вылезти. Спал бы себе и спал.

– А как у него служить? – не отставал лейтенант.

– Служить у него хорошо. Если жив останешься. Он под пулями шастает, как у себя по двору. На адъютантов то и дело похоронки пишут, а сам как заговоренный... Ладно, бывай!

²⁹ Двадцатипятилетники – рабочие-коммунисты, отправленные в деревню проводить коллективизацию. Например, Давыдов из «Поднятой целины».

Досадливо махнув рукой, Половцев поспешил дальше по траншее догонять начальство.

Так Павел стал ординарцем Хрущева. Почти два года они были вместе, Коротков за это время получил капитана и четыре ордена – не за близость к штабу, а вполне заслуженных. Его генерал сам пулям не кланялся и другим не позволял. Павлу приходилось и донесения под обстрелом носить, и роту в атаку поднимать вместо убитого командира. Самый его любимый орден – Красную Звезду – дали за последнюю ходку за линию фронта. Узнав, что полковая разведка две недели не может взять языка, Хрущев разозлился всерьез, распек всех в штабе, а потом велел:

– Пашка! Возьми группу и без офицера не возвращайся.

Разведчики поначалу косились на штабного, но, поняв, что перед ними такой же отчаянный «ходок», как они сами, подчинились ему по-настоящему. Им повезло: обратно возвращались с обер-лейтенантом. Хрущев радовался, как ребенок, что удалось «умыть» начштаба, который уверял, будто бы на их участке немцы осторожны, как кролики, и взять пленного нет никакой возможности. Ну, а на награды за храбрость он никогда не скупился.

В начале сорок четвертого Хрущева отправили возрождать разоренную немцами Украину. Короткова он взял с собой, но на мирной работе разведчик не прижился, заскучал. Тогда Никита Сергеевич поговорил с командующим округом и пристроил бывшего ординарца в военную разведку. Считалось, разведчики должны... впрочем, никто из них толком не знал, что они должны делать в глубоком тылу. В грубой послевоенной реальности они наравне с эмвэдэшниками, смершевцами и истребительными отрядами гонялись за бандеровцами и прочими бандитами, которыми кишели леса и села Западной Украины. Хрущев, казалось, забыл про него – но это только казалось. В 1949 году Никиту Сергеевича перевели в Москву, а в 1951-м майор Коротков внезапно получил направление в Военно-дипломатическую академию. В округе, оформляя документы, ему сказали, что вызов пришел аж из самой Москвы. А в Москве был только один человек, который мог вспомнить о нем и тем более «прикрыть» неподходящее происхождение польки жены – первый секретарь областного комитета партии и секретарь ЦК Никита Сергеевич Хрущев.

Вообще-то Павел дома о работе не говорил. Но это была не секретная информация, и он почти весь вечер рассказывал притихшим соседям, как воевал рядом с Хрущевым, какой тот замечательно храбрый, веселый и простой человек. И к концу вечера они совершенно забыли о враге народа Берии, как будто того и не было никогда на земле...

29 июня. Кабинет Хрущева. 14 часов 45 минут

Еще утром прокурор Украины Роман Руденко находился в своем киевском кабинете. Вызвали его внезапно. Он едва успел заехать домой за «командировочным» чемоданчиком и через полчаса был уже на аэродроме. О причине вызова ему ничего не сказали, и Роман Андреевич даже и гадать не пытался, зачем он понадобился в Москве. Судя по сроку командировки – семь дней – и спешности вызова, дело было важное. Однако ему даже во сне не приснилось бы, какое назначение и какое поручение он в этот день получит.

Хрущев тоже пребывал в некотором замешательстве. Роман, конечно, свой человек, но Никита Сергеевич не был уверен до конца, что новый Генеральный прокурор Союза поймет его правильно. Приходилось быть с ним откровенным, но до какой степени с ним можно быть откровенным, этого он не знал.

– Здравия желаю, товарищ первый секретарь! – улыбнулся Руденко. – Прокурор Украины по вашему приказанию прибыл!

– Ох уж эти твои шуточки, – засмеялся в ответ Хрущев. – Уморил! Ну, проходи, товарищ бывший прокурор Украины. Приказываю присаживаться. Как добрался?

Услышав слово «бывший», Руденко напрягся, но виду не показал:

– Как Золушка, в дороге отдохнул.

– Что, работы навалилось?

– А когда она не наваливалась? – Руденко сделал еще одну мгновенную паузу и наконец, не выдержав, спросил прямо: – Выходит, не справляюсь, раз снимаете?

– Справляешься, – ободряюще засмеялся Хрущев. – Потому мы тебя не только снимаем, но и назначаем. Будешь Генеральным прокурором Союза. Сафонова мы отстраняем, поскольку вот он-то как раз не справляется. Приказ о твоём назначении уже подписан. Принимай дела. С чего начинать, объяснять не надо?

Руденко осторожно кашлянул:

– Мы там, у себя, не полностью в курсе, Никита Сергеевич...

– Ох ты хитер! Не в курсе они, понимаешь... Тогда слушай, буду тебя в этот самый курс вводить. Мы тут сделали за органы их работу – разоблачили и арестовали на Политбюро подлеца Берию, предотвратили переворот в стране. Третий день держим этого мерзавца в бункере штаба Московского военного округа, даже в тюрьму не можем отправить: из тюрьмы его бандиты мигом своего главаря освободят. А Генпрокурор нам говорит: мол, по закону санкцию на арест заместителя Председателя Совета Министров дает не ЦК, а Верховный Совет. И дело он, видите ли, возбудить не может, у него для этого оснований не хватает... Получается, Берию надо выпускать, чтобы он смог нас всех перебить? И мы решили так: человек, не признающий руководящей роли нашей Коммунистической партии, не может быть Генеральным прокурором нашей страны. Правильно решили, как думаешь, Роман?

Руденко усмехнулся:

– Абсолютно правильно, Никита Сергеевич. Вот только что народ подумает...

– Народ подумает так, как мы ему скажем. Потому что нет в стране авторитета выше, чем у нашей коммунистической партии, которую Берия хотел принизить и умалить. Не то что о Берию – и о Сталине будет думать так, как мы захотим...

Руденко поднял голову и молча, удивленно посмотрел на Хрущева.

– Ну это я так, к слову, – тут же отступил Первый. – Товарищ Сталин был и будет величайшим из советских людей. Но мы не позволим какому-то там бандиту влезть на его святой пьедестал... Партия уже разобралась, что Берия – иностранный шпион, изменник Родины и предатель. Теперь об этом должен узнать и весь советский народ. Итак, верши правосудие, Роман. Как это говорится? Врагов народа – в ежовые рукавицы.

Руденко вздрогнул и быстро взглянул на Хрущева:

– Как вы сказали, Никита Сергеевич? В ежовые?

– Именно так, Роман. Он должен признаться во всем, что натворил. Сегодня будет Политбюро, дадим тебе официальное поручение, и приступай.

– Вообще-то по закону я должен получить поручение от Верховного Совета.

– Ты себе голову бюрократией не забивай. Эта наша забота. Слушай, что тебе партия говорит, и выполняй. Да, кстати, у тебя счета-то с Берией есть?

– А у кого их нет? Если вы станете искать прокурора, товарищ Хрущев, у которого нет с Берией счетов, следствие проводить будет некому.³⁰ Мешика³¹ я бы попросту убил, такое вытворяет этот бериевский прихвостень. Разве что Вышинского спросите...

– Эх, вспомнил. Вышинский уже пятнадцать лет как не прокурор. А не то я бы его отправил поприсутствовать при расстреле Лаврентия, авось удар хватит. Да ладно, сам, без меня помрет. А насчет Берию ты меня понял? После Политбюро останешься, получишь

³⁰ У Руденко были собственные счета как с Берией, так и с Вышинским. В 1940 году он был снят с поста областного прокурора за неправильное курирование соблюдения законности в органах госбезопасности и со дня на день ожидал ареста. Лишь с началом войны по ходатайству Хрущева его вернули в органы прокуратуры.

³¹ П. Я. Мешик – министр внутренних дел Украины.

подробные инструкции, о чем спрашивать, когда и как. Поначалу его придержать надо будет, сильно не нажимать, до особого сигнала. Ну, а потом на твое полное усмотрение. И гляди о нашем разговоре помалкивай, особенно при Маленкове и Молотове. Понял?

Руденко поднял на него глаза, но ничего не ответил, лишь улыбнулся и кивнул.

29 июня. Отделение экспертизы документов 3-го спецотдела МВД. 16 часов 40 минут

– Я понимаю, эта работа не совсем по вашему профилю, – сказал полковник. – Я не знаю, почему выбрали наше отделение. Вы не один такой умный, четверо сотрудников уже отказались, мотивируя именно недостатком квалификации, и мне очень не хотелось бы докладывать, что я не смог найти исполнителя. Это задание хоть и неофициальное, однако исходит с самого верха. Поймите, какое сейчас время. Как бы ни было противно, Андрей Михайлович, я не приказываю, я прошу...

– Хорошо. Я понимаю, – без выражения проговорил второй собеседник, средних лет, бледный и сутулый майор МВД. – Надо же кому-то... Но я ведь не специалист по подделке документов, я криптограф, и чтобы адекватно подделать почерк, мне понадобится не один день.

Начальник отдела поморщился:

– Адекватности здесь не требуется. Войдите в тему: тюремная камера, плохое освещение, человек без очков, волнуется, руки дрожат...

– У товарища Берия руки дрожат? – все так же невыразительно спросил майор.

– Андрей Михайлович, – у полковника дрогнул и пресекался голос. – Пожалуйста, не надо... Сделайте, как сможете. Никто не станет устраивать никаких экспертиз, эти документы не для того готовятся.

Майор со смешной фамилией Котеничев забрал бумаги и вышел из кабинета. Задача была ясной и на самом деле не такой уж трудной, поскольку подделывать документы он тоже умел неплохо. Надо было изготовить три «письма из тюрьмы» от имени Берии. Общее содержание писем прилагалось, требовалось лишь соответствующим образом его оформить. Котеничев понимал, почему никто не хотел браться за эту работу. Его и самого затошнило, едва он взглянул на текст и установки, и первой реакцией было – отказаться. Но тут же он и опомнился: слишком ценной была возможность войти в качестве технического специалиста в «дело Берии», чтобы позволить себе считаться со своими чувствами.

Он пришел в свой кабинетик, несколько минут разглядывал образцы почерка, попробовал – да, вроде бы получается. Тогда он убавил свет, надел специальные очки, имитирующие близорукость. Нервное напряжение нагнетать не требуется, оно появится само, особенно если начать с третьего письма. С третьего он и начал.

«Дорогие товарищи, со мной хотят расправиться без суда и следствия, после 5 дневного заключения, без единого допроса, умоляю Вас всех, чтобы этого недопустили, прошу немедленно вмешательства, иначе будет поздно...»

Особо, как сказал начальник отдела, можно не усердствовать. Письма эти в серьезной работе не будут. Ясно, для чего они предназначены – для закрытых показов членам ЦК и, может быть, еще каким-нибудь там писателям и прочим властителям душ. Едва ли Лаврентий Павлович даже членам ЦК писал собственноручные письма, а уж изготовить такую цидулку, чтоб поверили писатели сегодня да историки послезавтра, можно за полчаса.

Майор не любил ни писателей, ни историков, ни вообще интеллигентов. Смутный народ, гнилой, склочники и доносчики, уж он-то за пятнадцать лет работы в «органах» насмотрелся. За пятнадцать лет работы и за восемь месяцев перед этим. В мае тридцать восьмого старшего лейтенанта Котеничева, шифровальщика штаба Московского военного

округа, арестовали по навету сослуживца, полковника Ковалева, и стали «колоть» на участие в какой-то бредовой организации. Старлей был упрям и не «колосся». Тогда следователь вошел в нехороший азарт и поклялся, что этот арестованный у него заговорит. Так продолжалось пять месяцев, Котеничев уже обезумел от пыток и мечтал лишь о расстреле, но не хотел тащить с собой других людей, потому и держался. Вдруг его неожиданно оставили в покое на несколько недель, а потом... Он вспомнил, как привели к новому начальнику управления госбезопасности. Суховатый сдержанный кавказец разговаривал отрывисто, но вежливо, зачем-то спрашивал Котеничева о его деле. Старлей устало и коротко отвечал, ничего не пытаясь объяснить этому играющему в справедливость человеку. Внезапно тот сказал:

– Вот подлец Ковалев, сколько народу погубил! Идите в камеру и не волнуйтесь. Мы с вашим делом разберемся, скоро будете на свободе, – и вдруг протянул ему несколько мандаринов со стола. И вот тут Котеничева прорвало.

Он рыдал, как вдова на похоронах, и в кабинете, и в камере, куда его кое-как дотащили. Потом появился врач, сделал какой-то укол, а он лежал на койке и смотрел на мандарины, смотрел и плакал.

Через три недели его освободили с реабилитацией, и Берия, пожимая старшему лейтенанту на прощание руку, вдруг сказал:

– Я сообщу вашему начальству, что вы достойны полного доверия и можете работать на прежнем месте. Но, может быть, поработаете у нас в аппарате? Вы опытный шифровальщик, нам такие нужны, а перспективы карьеры у нас лучше. Убыль специалистов в НКВД большая, и будет еще больше – много заговорщиков, а теперь еще и всех костоломов и «липачей» отправим к стенке, я это обещал товарищу Сталину. Подумайте, товарищ Котеничев...

Старший лейтенант согласился и честно служил пять лет, в дополнение к основной специальности освоив навыки работы с документами. Перед войной он получил капитана, в сорок втором – майора. А потом однажды, в сентябре сорок пятого, его вызвал Берия и показал подписанное наркомом ГБ представление к правительственной награде и к повышению в звании.

– Я скоро уйду из органов, – сказал он, – и хочу на прощание отметить заслуги тех, кто честно работал на незаметных постах. Вы все это получите, если захотите. Но у меня есть для вас еще одно предложение. Если вы примете его, у вас не будет ни наград, ни карьеры. Вы будете обойденным вниманием начальства, незаметным винтиком в системе, таким незаметным, что никто не станет сводить с вами счеты. Тем более специалист вы незаменимый и останетесь на своем посту, что бы ни произошло снаружи...

Майор принял второе предложение Берии, то, которое не обещало карьеры, и так же честно выполнял свою новую работу. Он и теперь это сделает, да! Он напишет эти письма так, что ни один член ЦК или Союза писателей в них не усомнится. Но если они когда-либо попадут в руки его коллегам – а это рано или поздно случится, майор не сомневался, – те сразу увидят, кто на самом деле их писал. Он умел это делать. Ни одной, даже самой похабной экспертизы эти письма не пройдут, и уж конечно, ни один человек, когда-либо работавший с товарищем Берия, им не поверит...

Надо постараться как следует, он должен обязательно добиться, чтобы документы, касающиеся Лаврентия Павловича, проходили только через него. Тогда у них будет хоть какая-то информация. А может быть, удастся и весточку передать – если он еще жив. Вдруг он все еще жив?

Майор, высунув от усердия кончик языка, тщательно вывел последние строчки:

«Еще и еще раз умоляю Вас вмешаться и невинного своего старого друга не губить».

И подписался: «Ваш Лаврентий Берия».

Штаб МВО. 30 июня. 10 часов утра

Когда его привели в подземный бункер, Берия приготовился к тому, что больше никогда не увидит неба. Однако на допрос его снова повели в помещение штаба, через двор. Все те же два полковника надели наручники традиционно зверским способом – руки назад, – закрыли лицо шарфом, глубоко натянули шляпу, накинули плащ так, что не видно было скованных рук.

– Думаете, не узнают? – усмехнулся Берия.

– Мы не думаем, а делаем, как приказано, – отрезал один, невысокий и лысоватый. – Разговорчики...

Окна штаба были замазаны белой краской, коридоры пусты, однако за закрытыми дверьми он ощущал напряженное внимание людей. Еще бы, всем же любопытно, небось у замочных скважин целая очередь... Зачем, интересно, его так закутали? Чтобы не узнали? Глупость! Наверняка всем уже известно, кого содержат в бункере. Армейский идиотизм? Ну не до такой же степени! Тогда что?

Его размышления прервал скрип открываемой двери. Пришли. И вот первая неожиданность – за столом сидит не очередной генерал, а собственной персоной Роман Руденко, украинский прокурор. Берия остановился перед столом, окинул его медленным внимательным взглядом.

– Вернулись времена Киевской Руси? Куда ни плюнь, одни хохлы...

– Ну зачем же так, – официально, но доброжелательно ответил Руденко. – Я новый Генеральный прокурор СССР. Если угодно, могу показать удостоверение.

Берия хмыкнул:

– Я вам назову не меньше десятка адресов, где могут нарисовать любое удостоверение. От малины Варьки Косой в Марьиной Роще до моей собственной конторы. Ради вашей филькиной бумажки не стану портить глаза.

Руденко улыбался все так же невозмутимо. Приятно, сидя за столом следователя, смотреть на бывшего министра. Так сказать, из князи в грязи...

– Да вы садитесь, гражданин Берия. Садитесь, в ногах правды нет. Правда, она в другом месте, как в свое время говорил товарищ Ежов... Время дорого, приступим к допросу.

По знаку прокурора конвоир снял наручники, подвинул стул. Берия сел вольно, облокотился о спинку, рук не растирает, терпит. Гордый, однако... Ну что ж, ломали мы и гордых. Ты уж всяко не крепче гитлеровских генералов, а кто из них на допросах веревки вил?³² Роман Руденко.

– Итак, – сказал Берия. – Если вы намерены приступить к допросу, значит, я под следствием. А если я под следствием, извольте по процедуре: постановление, обвинение, мера пресечения. Да и положенные санкции не забудьте, и не вашего Политбюро бумажка, а согласно советским законам. А до тех пор извольте называть, как положено.

– Товарищем, что ли? – улыбка сползла наконец с лица прокурора.

– Да уж нет, – холодно отозвался Берия. – Какие мы с тобой товарищи, *господин*³³ Генеральный прокурор...

³² Руденко был обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе.

³³ В 30-е годы за слово «господин», обращенное к коммунисту, можно было в определенной ситуации получить пулю. В 50-е острота «классовой борьбы» несколько сгладилась, но все равно это обращение еще тянуло на пощечину. В данной ситуации Берия намеренно и жестоко оскорбляет Руденко, по сути, обвиняя его в измене Родине.

– Вот что, подследственный, – теперь Руденко говорил тоже сухо и холодно, в тон Берии. Это он зря, у него так не получается, не та выдержка. – Не пытайтесь меня оскорбить своими намеками, я и не такое слышал.

Берия поднялся, шагнул к стене, на которой висели портреты. Конвоир дернулся было задержать, но Руденко сделал знак, и полковник отошел в сторону.

– Вашего портрета там нет, – усмехнулся прокурор.

– Нет так нет, – согласился Берия. – Но когда он тут висел, под ним было написано: «Министр внутренних дел». Я министр, а не неграмотный инвалид с Казанского вокзала. До тех пор, пока мне не предъявят все положенные документы, я не подследственный, а похищенный бандой лиц, состоящих в преступном сговоре с целью захвата власти. Вы, кстати, в их числе и, как вроде бы прокурор, должны это знать. Так что я не намекаю, я прямо говорю, никакие мы с вами не товарищи.

Руденко кинул быстрый взгляд на офицеров. Берия не видел их лиц, но ощутил, как они напряглись. Сейчас прокурор будет отвлекать их внимание. Скорее всего, заорет, пугать станет. Старый, дешевый прием, таким только на баб в деревнях воздействовать.

– Сядь, как положено, урод! – рявкнул Руденко, и Берия мгновенно парировал:

– Ты сам-то в зеркало смотришься хоть иногда?

Прокурор, невольно проведя рукой по лицу и чувствуя, как уши у него неудержимо краснеют, кивнул конвоирам.

– Можно вас попросить? Усадите его и наденьте наручники. Нет-нет, не так, руки за спинку стула. А теперь погуляйте немного, я с ним по душам поговорю.

– Сами, что ли, разговаривать будете? – поинтересовался один из полковников. – Может, вам помощников вызвать?

Руденко внимательно посмотрел на Берию, оглядел его с головы до ног.

– Пока сам. А там посмотрим...

Полковник хмыкнул, достал из шкафа и положил на стол неширокий ремень – по-видимому, от планшета. Затем конвоиры ушли. Руденко несколько минут неторопливо ходил по кабинету, время от времени поглядывая на Берию. Тот по-прежнему делал вид, что изучает портреты – много он там видит без своего пенсне... Оставить его, что ли, в таком вот виде, с вывернутыми назад руками, на пару часов? Пока пощады не запросит... Нет, рано! Руденко остановился в двух шагах перед арестованным, взглянул сверху вниз.

– А теперь, Лаврентий Павлович, когда мы одни, давайте поговорим по-хорошему. Положение ваше безнадежное. Запираться бесполезно. Чтобы не тратить зря время, я прочитаю вам постановление Президиума ЦК. Пункт первый. «Ведение следствия по делу Берия поручить Генеральному прокурору СССР».

– Я не знаю никакого Генерального прокурора по фамилии Руденко, – равнодушно сказал Берия. – Я знаю Руденко – прокурора Украины.

– Хорошо. Читаю пункт второй: «Обязать товарища Руденко в суточный срок подобрать соответствующий следственный аппарат, доложив о его персональном составе Президиуму ЦК КПСС, и немедленно приступить, с учетом данных на заседании Президиума ЦК указаний, к выявлению и расследованию фактов враждебной антипартийной и антигосударственной деятельности Берия через его окружение (Кобулов Б., Кобулов А., Мешик, Саркисов, Гоглидзе, Шария и др.), а также к расследованию вопросов, связанных со снятием т. Строкача». Как видите, мне персонально ЦК партии поручил это расследование, и я его проведу. Преступления свои признать все равно придется.

– Так, – сухо сказал Берия. – ЦК назначает руководителя расследования и формулирует обвинение. То есть Конституция отменена. Это уже не сговор с целью захвата власти. Это захват власти с целью изменения государственного строя, или, если проще, государственный переворот. Да, с точки зрения банды, захватившей власть, я действительно преступник. Но я

предпочитаю послать вас подальше с вашими предложениями и сохранить лицо. Так-то вот, господин как бы прокурор как бы Советского Союза.

– Во-первых, гражданин Берия, я не как бы прокурор, я – Генеральный прокурор Советского Союза. Во-вторых, я намерен изобличить вас как изменника и иностранного шпиона, готовившего государственный переворот, а также организатора репрессий против невинных людей, честных членов партии.

Берия презрительно сощурился:

– А я, получается, у ваших честных членов партии честь отобрал. Тогда уже приешите мне заодно и изнасилование всех московских проституток.

Руденко бархатно засмеялся:

– А это мысль, спасибо. Полезно иметь дело с опытным человеком. Учтем ваше предложение.

Он прошелся по комнате, остановился напротив арестованного и снова принялся его внимательно разглядывать.

– Только зачем же проституток? Нет, это не вызовет сочувствия в обществе. Вы у нас будете обвиняться в изнасиловании невинных девочек, школьниц. Всем известно, пожилые мужчины любят этаких... – он покрутил пальцами, подыскивая слово, – молочной спелости... Подумать только, нашей страной руководил растлитель малолетних! С какой репутацией останется в истории такой великий чекист и государственный деятель!

Берия вздрогнул, кисти рук, перехваченные браслетами, тут же отозвались острой болью. Руденко увидел, довольно улыбнулся.

– Рад, что вы все правильно поняли. И вам, Лаврентий Павлович, надо будет очень постараться на следствии, чтобы этого не произошло!

Да, Лаврентий, к такому ты не готов. И ведь даже винить некого, сам мысль подал! Он вскинул голову и проговорил с холодным презрением:

– А потерпевших откуда возьмешь? Своими, что ли, девочками поделишься, красавец?

Руденко вскочил, как от плевка в лицо, схватил ремень и с силой хлестнул Берию, так, что красный рубец пролегал от макушки до подбородка. Вот так так! Ну, Лаврентий, неужели же не думал, не гадал, нечаянно попал, да в яблочко? А ведь, судя по лицу, прокурор-то сладенькое любит... Да, один ноль в пользу арестованного... но больно, черт! Берия наклонил голову и все так же холодно усмехнулся:

– Кажется, вы исчерпали свои аргументы, господин Генеральный прокурор.

Руденко вернулся на место и тихо, бешено сказал:

– Я проведу следствие, а потом состоится столь любимый тобой открытый процесс, на котором ты полностью признаешь свою вину.

– Вы в этом уверены?

– Вполне. Ты ведь сам знаешь, у нас есть методы. И не таких ломали. А если ты захочешь облегчить свою участь, то станешь сотрудничать со следствием. И если будешь хорошо сотрудничать, то умрешь всего лишь как заговорщик, а не как палач и насильник. Вот тебе мое последнее слово. Ясно?

Да, куда уж яснее. Если дело лишь в том, чтобы признать свою вину... то, может, и черт с ними? Берия несколько секунд молчал, а потом глухо спросил:

– Чего вы хотите?

– Фу-у! – выдохнул Руденко. – Давно бы так... А то упирался, как ишак. Значит, во-первых, признание вины, как доказательство твоих добрых намерений. Во-вторых, имена всех подельников. В-третьих, местонахождение архива товарища Сталина, который по твоему приказу украли с его дачи. В-четвертых, местонахождение твоего собственного архива.

Ну, вот он и выложил все и сразу. А то мурыжил бы вопросами день за днем. Если дело обстоит так, играть дальше не имеет смысла. Берия поднял голову и сказал, очень четко и спокойно:

– Ясно. А теперь вы меня послушайте, господин Генеральный прокурор. О первом не может быть и речи. Зачем мне собственными руками класть себе в гроб вашу клевету? Подельников ищите сами, я вам не Ежов, чтобы сдавать своих. Насчет архивов – можете передать вашим хозяевам, чтобы они подобрали слюни. Архивы где были, там и останутся... – Руденко вскочил было, но Берия чуть повысил голос, и в нем была такая сила и ярость, что прокурор невольно сел обратно. – Я еще не все сказал! Лучше получить клеймо садиста и насильника... все, что угодно, лучше, чем вступать с соглашения с такой мразью, как ты и твой генсек. Вот теперь все. Допрос окончен.

Руденко несколько секунд сидел оглушенный, потом взял телефонную трубку и вызвал конвой.

В отличие от прежней камеры, свет в бункере не гасили никогда. Берия то присаживался на койку, то мерил шагами комнатку и думал, думал...

Так... Неожиданностей не произошло. Может быть, его и хотели сразу убить, да не связалось что-то у них. А теперь не убьют, потому как им нужны имена его людей и архивы. Ничего хорошего в этом нет, они побьются какое-то время, а потом начнут пытаться. Берия невольно поежился. До сих пор его еще не пытали, этого попробовать не приходилось. Били в грузинской контрразведке в двадцатом – это да, с тех пор и почки болят, – но всерьез мастера развязывания языков за него не брались, и он не знает, как поведет себя на допросах с пристрастием. Это плохо, да... Если бы он был уверен, что архивы сумели перепрятать, что хрущевские псы не добрались до *других* его людей, что те догадаются уйти и завязать за собой концы, на случай, если он все же их выдаст. Нельзя выдавать две постоянные явки и руководителей групп, тут хоть умри. Это нельзя, а за прочее он не уверен... Может, сгруппировал он, следовало воспользоваться предоставленной возможностью и покончить со всем сразу? Ладно, что не сделано, то не сделано, и думать об этом больше не надо, эти мысли отнимают мужество...

Чтобы отвлечься, он припомнил постановление. А ведь странный документик-то. «Расследование фактов враждебной антипартийной и антигосударственной деятельности Берия через его окружение» – это понятно. А вот подбор персоналий в это окружение... Ну, Мешик всем украинским деятелям глаза намозолил так, дальше некуда. Прямой, как танк, как сам Берия в молодости. Мог бы у своего наркома взять и что-нибудь другое. У братьев Кобуловых врагов много, это тоже неудивительно. Гоглидзе не его человек, его сбоку приптели, но он слишком много знает, таких живыми не оставляют. А при чем тут Саркисов, начальник охраны, тем более бывший? Или Шария, с которым они уже десять лет не работают вместе? Он был секретарем Берии в тридцать восьмом... кстати, а Гоглидзе в то же время был министром внутренних дел Грузии. Может быть, они и вправду хотят взвалить на него ответственность за репрессии? Со стороны Хрущева это особенно циничный ход – впрочем, вполне в его духе...

Но в целом, похоже, брали первые попавшиеся имена, те, которые были на слуху. Иначе как проворонили Меркулова? Если уж говорить о «людях Берии», то он из них первый. А Строкач тут при чем? Надо же, какая честь для бывшего министра внутренних дел Украины, отстраненного от работы! Что он за персона такая, зачем его записывают в постановление?

Ладно, с анализом не получается, мало данных, попробуем применить интуицию. Что там говорит чутье разведчика? А говорит оно следующее: от всего этого остается ощущение полной неподготовленности происшедшего. Так, словно бы Хрущеву двадцать пятого пришла в голову некая мысль, а двадцать шестого он уже устроил переворот. Экая чушь!

Двадцать пятого Берия вернулся из Германии, где пробыл неделю – за эти несколько часов чисто физически не могло произойти ничего такого, что послужило бы причиной переворота. Или... или это немецкие дела? Конечно, его политика по германскому вопросу попереки горла и Западной Европе, и Америке – но достаточно ли этого для переворота? Или он нечаянно прикоснулся к чему-то такому, что трогать не следовало? Если так, то он и сам этого не заметил.

Нет, пока ничего не понять. Слишком мало информации. Надо будет поиграть с Руденко – вдруг господин прокурор еще чего скажет...

30 июня. Кабинет Хрущева. 17 часов

Хрущев только что провел с Серовым и Булганиным небольшое совещание по текущим делам, и теперь они перекусывали в комнате отдыха. Многие из тех, кто работал со Сталиным, восприняли от него эту привычку – обсуждать наиболее важные дела за едой. Никита Сергеевич был в их числе. И теперь он самый трудный и скользкий вопрос отложил как раз на время трапезы.

– Так вот... – сказал Хрущев, отодвигая тарелку. – Руденко провел сегодня первый допрос.

– И как результаты? – поинтересовался Булганин.

– Ясно как – наш грузинский друг в полном отказе, говорить не желает. Роман слегка на него нажал, но без результата. Я вот что думаю: пусть он пока его потреплет, легонько, не всерьез, а мы тем временем сделаем так, как ты, Ваня, предложил. Подсунем ему другого следователя.

– Предложить-то я предложил, – пожал плечами Серов. – Да только Берия все эти приемы лучше меня знает. Его так дешево не купишь.

Хрущев откинулся на спинку кресла, взял стакан с чаем и мечтательно посмотрел на потолок, улыбнулся.

– А ты слышал, Ваня, что на каждую хитрую гайку найдется болт с винтом? Раз нельзя дешево, значит, купим дорого. Мне тут товарищ Маленков одну мысль подал. Но нужен человек верный, неглупый и в столичные дела не замазанный. Такой, чтобы Берия ему поверил.

– Где ж такого найдешь, – хмуро сказал Серов. – Никому из прокуратуры он не поверит, а из МВД я никому не поверю.

– Военная разведка подойдет? – быстро спросил Хрущев.

Серов поднял глаза к потолку, полминуты подумал и прищелкнул языком.

– А пожалуй, да. С соседями мы не очень-то дружим, они живут сами по себе и в политику традиционно не суются. А что это вы вдруг про них вспомнили?

– Да так, – уклончиво ответил Хрущев. – Есть один верный человечек...

Лялин переулок. Квартира писателя Ситникова

– Так и сказал: «Хоть пополам разорвись, все равно говном останешься?» – переспросил генерал.

– Именно так, – кивнул круглолицый капитан-армеец.

– Не похоже на Николая Петровича, – сказала Маша, разливавшая чай. – Он всегда такой вежливый, никогда ни одного грубого слова...

Сидящие за столом расхохотались в один голос, Николай погладил ее по голове:

– Ну насмешила, рыжая...

Генерал поцеловал ей руку и ласково промолвил:

– Вы, Машенька, знаете Николая Петровича только с одной стороны. Кроме того, в присутствии такой очаровательной женщины мужчина просто обязан забыть все грубые слова. А вот я, например, слышал и кое-что другое. И не хотел бы оказаться на месте тех, кому он подобные слова говорит. Это производит очень сильное впечатление. И как раз, очень на него похоже – макнуть своего врага лицом в ту самую субстанцию, да еще при подчиненных. Они могли подобрать ему двойника внешне, один в один, а вот чтобы совпадал еще и по характеру...

При Маше мужчины держались, но едва она вышла, смех оборвался.

– Мы можем что-нибудь сделать? – спросил Ситников. – Неужели управление по спецоперациям не способно выделить нам группу?

Генерал помрачнел.

– Группу – для чего? Ты уверен, что там, в бункере, именно Лаврентий? Анкета арестованного подписана хрен знает кем – ну да это ладно, он ничего подписывать не станет. Но нет ни положенных при аресте фотографий, ни отпечатков пальцев. Ренат, свяжись еще раз с военными, пусть попробуют добыть мне пальчики этого графа Монте-Кристо...

– Ну, а все же, – не отставал Николай.

– Я связывался с Судоплатовым. Группы-то у него есть, но бойцов без командира не выведешь. А его офицеров так жестко контролируют, что не дернешься, сразу же загребут. Тем более ты представляешь, сколько надо народу, чтобы взять штаб МВО и пробиться в бункер? Даже если там действительно Лаврентий, и мы вытащим его оттуда, он сам пристрелит нас, когда узнает, сколько жизней мы отдали за его жизнь. Другое дело, если бы это были свои... Эх, ведь говорил же я, надо иметь собственных людей! Сколько раз я ему говорил – эти партийные подонки способны на все, нам надо иметь своих ликвидаторов, а от него только одно и слышал: «Ваше дело – контрразведка». Ну и кому теперь нужна наша контрразведка? Я что, Хрущеву буду докладывать об американских агентах?

– Лучше пиши докладные в ЦК, – мрачно сказал смуглолицый крепыш лет тридцати пяти. – Зачем же через посредника-то?

– Ренат, мне твои шуточки... – поморщился генерал. – Никто не ждал, что они пойдут на переворот, но они пошли, а у нас ни одного бойца...

– Ну, так теперь будут, – жестко сказал Николай.

Генерал, руководитель нелегальной сети Мингоскотроля, той самой «разведки Берии», которую так усердно пытались найти люди Хрущева, взглянул на подполковника МВД Нурметдинова и на писателя Ситникова, руководителей первой и второй групп. Рот его дернулся, губы горько искривились.

– Теперь будут! – отрезал он. – И свои группы захвата, и своя политическая разведка. Теперь командую я, и я считаю, все это должно быть. Вот только Лаврентию помочь мы уже не успеем...

Глава 4

Особо важное задание

Москва. Проспект Мира. 1 июля. 7 часов 30 минут

Утром на кухне дым и гвалт, но бриться в комнате Павел не любил. Перекинешься парой слов с Федорычем, посмотришь, как Софья Матвеевна въедливо поучает какую-нибудь из соседок, и совсем проснешься. Он стоял возле раковины, скоблил подбородок трофейной бритвой и пытался одновременно слушать, как Вовка рассказывает результаты вчерашнего дворового футбольного матча, Стефа повествует о несчастной любви своей начальницы и Федорыч читает газету.

Звонки с парадного хода ворвались в утренний шум. Четыре: два длинных и два коротких. Это были позывные Коротковых. Павел взял было полотенце, но Федорыч похлопал его по плечу:

– Брейся, брейся, я сам открою.

Он простучал протезом к дверям, потом обратно и вернулся с двумя офицерами. Одного Павел узнал сразу, хотя знакомы они не были. Полковник Сорокин из центрального аппарата ГРУ, с ним другой, в том же чине, щеголеватый штабной. Сорокин кивнул приветливо, а второй, сразу выхватив взглядом Павла из толпы жильцов, сказал с официальной корректностью:

– Товарищ Коротков? Я за вами. Одевайтесь, и пройдемте со мной.

У подъезда ждал гэрэушный «Фольксваген» и огромный черный ЗИС-110. Павел направился было к первому, но Сорокин дернул его за рукав и указал на правительственный автомобиль. Вот это да! Стараясь держаться как можно более солидно и невозмутимо, майор поместился рядом со штабным полковником. На переднем сиденье, возле шофера, сидел полный генерал-майор в форме военной прокуратуры.

Ехали долго: сначала по городу, потом выбрались на шоссе. Павел созерцал промытые дождем кусты по сторонам дороги и думал. Что бы это все значило? Арест? Случалось, разведчиков увозили в тюрьму под видом вызова на задание. Но арестовывать его совершенно не за что, да и кто он такой, чтобы за ним приезжали генерал с полковником, да еще на правительственной машине? Нет, на ЗИСах майоров уж точно в тюрьму не возят. Может быть, наоборот, – важное задание? А почему бы и нет? Биография у него самая подходящая. Происхождение правильное, рабочее, на фронте служил в разведке, на Украине боролся с бандитами, за время службы всего два выговора, и то по мелочам: один раз за то, что в пьяном виде полез колокол с церкви сбрасывать, другой за моральную неустойчивость.

Как обычно, вспомнив о своих выговорах, он заулыбался, и мысли приняли совсем другое направление. Дело было все в тех же Драгомичах, где находился районный штаб по борьбе с бандитизмом, а заодно и разведотдел. А еще там были очень сильны религиозные суеверия, которые они с друзьями вечером первого мая сорок пятого года, как следует отметив пролетарский праздник, и решили искоренить. Когда Павел, так и не справившись с колоколом, слез на землю, там уже ждали местные жители. Друзья-собутельники не подпускали их к церковному крыльцу, но одна худенькая девчонка лет шестнадцати все же прорвалась, ибо никто не принял такую малявку всерьез. И зря не принял. Как она тогда его лупила!

Последующая моральная неустойчивость тоже была связана с ней. Перехватив наконец вооруженную палкой ручонку, Павел заглянул нечаянно в темно-серые глаза – и поте-

рял себя. А когда последствия неустойчивости по части морали было уже не скрыть никаким платьем, мать приволокла Стефку за руку прямо к замполиту. Виновник греха своего не отрицал. Наоборот, обрадовался, что все вышло наружу, – до сих пор Стефа отчаянно боялась своей религиозной родни да материнского проклятия, но раз уж мать сама проявила инициативу...

Через неделю они обвенчались в той же церкви, а до того был двухдневный скандал с невестой и ее родней. Вечером второго дня, окончательно обессилив, Павел пошел к начальнику разведотдела и спросил, как следует поступить коммунисту, если ему приходится выбирать между моральным разложением и религиозными предрассудками. Тот махнул рукой, сказав что-то вроде, мол, в целях налаживания контактов с местным населением иногда приходится поступаться некоторыми принципами. Но выговор все равно вlepил, за все сразу: и за аморалку, и за «религиозную неустойчивость».

Начальник политотдела академии, когда Павел поведал ему эту историю, хохотал до слез и сказал на прощание: легче Гитлера разбить, чем с бабами справиться, и чтоб он не беспокоился, эти выговоры на его судьбу не повлияют. Неужели же действительно не повлияли, и его выбрали для какого-то важного задания? Неужели вправду услышал Бог Степкины молитвы? Это же такой случай! Если он справится так, как надо, карьера обеспечена. В Москве оставят...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.